

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Мария
Очаковская

КНИГА
ПРЕДСКАЗАННЫХ СУДЕБ

ЭКСМО

Татьяна Устинова рекомендует

Мария Очаковская

Книга предсказанных судеб

«ЭКСМО»

2013

Очаковская М.

Книга предсказанных судеб / М. Очаковская — «Эксмо»,
2013 — (Татьяна Устинова рекомендует)

В том, что брак с иностранцем отнюдь не залог счастливой семейной жизни, переводчица Ольга Колесникова убедилась на собственном опыте – замужество с разорившимся французским аристократом обернулось горьким разочарованием. Забрав с собой маленького сына, Ольга возвращается из Парижа в Москву. Здесь ее по-прежнему любят и ждут, здесь работа, друзья, здесь родные стены помогут обо всем забыть... Но внезапно прошлое вновь напоминает о себе – Ольге и ее сыну из Франции привозят в подарок древний часослов, драгоценную реликвию графского рода, с появлением которой в их жизни начинают происходить загадочные и кровавые события. Со временем у Ольги возникает ощущение, что о грядущих переменах она узнает заранее – стоит лишь открыть страницу средневекового манускрипта... Как, каким образом, под действием каких таинственных сил судьба Ольги Колесниковой переплелась с судьбой графини Элинор Помар де Рабюсси?..

© Очаковская М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Татьяна Устинова	6
1. Ночной гость	8
2. Покупка дачи	11
3. Господу было угодно даровать мне долгую жизнь...	15
4. Телефонный звонок	16
5. Первые гости на новой даче	21
6. Оруженосец Гальгано	28
7. Ставки сделаны!	32
8. Праздничная трапеза	36
9. Аньес	39
10. Охотничий дом	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мария Очаковская

Книга предсказанных судеб

© Очаковская М., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Татьяна Устинова

Любопытности, которые манят

Есть детективы просто хорошие, а есть детективы превосходные. Знаете, в чем отличие? Филигранная выписанность героев, математическая выверенность логики сюжетных ходов, тщательность и абсолютная точность описаний, мастерское заигрывание с ожиданиями читателя, проникновение в психологию злодея!.. Все это совершенно правильно, но дело не только в этом. Превосходный детектив отличается от хорошего тем, что из превосходного ты всегда узнаешь новое. Именно поэтому роман Марии Очаковской «Книга предсказанных судеб» – превосходный детектив!..

В юности я зачитывалась Вайнерами. Послевоенную Москву я представляю исключительно благодаря «Эре милосердия»: «хаза» и «малина», коммерческий ресторан «Савой», выставка трофейной техники на набережной у Крымского моста, первый неоновый всполох надписи «Ленинградский вокзал» и молодые парни, чудом уцелевшие на войне, которым все время хочется есть.

А еще «Визит к минотавру», где Амати, Страдивари, Гварнери. Разумеется, как девочка из хорошей семьи, я знала фамилии величайших скрипичных мастеров, но прочитала я о них впервые в советском детективе.

Потом был Дик Фрэнсис – конкурс шляпок в Аскоте, Челтенхэмский золотой кубок и автомобили «лотос».

Теперь мне повезло прочесть роман «Книга предсказанных судеб» Марии Очаковской. Почти на каждой странице превосходного детектива обнаруживается какая-то деталь, поражающая воображение. Вот никогда я не знала, что кулеврина – это прототип ружья, Обюссон – центр производства ковров во Франции, а Тайеван – создатель одной из первых кулинарных книг.

Да и вообще книга со сносками вызывает благоговейный трепет.

Во-первых, я удивляюсь гигантской работе, проделанной автором. Все эти любопытности, которые манят, привлекают, добавляют остроты чтению, нужно выискивать, собирать, вплетать в текст, да так, чтобы было интересно. Ведь прежде всего это детектив, а не монография или статья в научный журнал!..

А во-вторых, узнавая новое, читатель, то есть я, как-то возвышается в собственных глазах и сам себе начинает казаться новым, безукоризненно образованным человеком!.. Никогда не замечали? И от этого пусть эфемерного, но все же очень сладостного осознания детектив с каждой страницей становится все интереснее. Это уже и не чтение даже, а будто бы разговор с более осведомленным собеседником. «Вон оно как!..» – и слушаешь дальше, буквально открыв рот.

Ну и, конечно, французский язык, которым Мария Очаковская совершенно меня подкупила. В книгах со вставками на французском есть особое, какое-то дворянское очарование.

Да и сама по себе детективная интрига хороша. Действие снова будет происходить одновременно и в прошлом, и в настоящем, перескакивать из России во Францию, из подмосковного загородного дома переводчицы с французского Ольги Колесниковой в родовой замок Помар де Рабюсси в Бургундии.

Здесь есть вечная и трогательная история Золушки. Только на этот раз Золушка не пожелает остаться с Принцем. Неожиданное предательство, и похищение наследного графа, и даже убийство – два! Все это, чтобы заполучить бесценный часослов – фолиант, реликвию графского рода Помар де Рабюсси...

Но... Пересказывать сюжет детектива «Книга предсказанных судеб» Марии Очаковской я не буду. Неблагодарное дело, вы лучше сами прочитайте!

Потому что это ярко, сочно и таинственно. Словом, превосходно! Как мы с вами и любим!

Выражаю сердечную признательность всем тем, кто помогал мне в работе над этой книгой. Отдельная благодарность Молеву Д.Ю. и Кулакову В.А.

Мария Очаковская

1. Ночной гость

Франция, Бургундия, г. Помар

Яркий диск луны, неохотно выплывший из-за тучи, прочертил на полу галереи узкую полоску света. На фоне окна отчетливо проступил силуэт мужчины, высокого, широкоплечего, с большими подвижными руками. Скрипнула половица, затем послышался тихий мелодичный звон хрустальных подвесок люстры, и откуда-то сверху донеслось:

– Еще шаг, месье, и я стреляю. *Si vous bougez, monseigneur, je tire!* – прозвучал уверенный, низкий, чуть с хрипотцой голос.

Не приняв угрозу всерьез, мужчина сделал попытку шагнуть в сторону, и в ту же секунду раздался оглушительный выстрел. Фонтаном брызнуло разбитое стекло, незнакомец вскрикнул, отпрянул назад и, перевалившись через подоконник, рухнул вниз.

– Бог мой! Но у меня просто дрогнула рука!

Щелкнул выключатель. Галерея наполнилась светом. И лица на портретах, во множестве развешанных по стенам, как будто ожили. Поймав на себе удивленный взгляд юноши в бархатном берете, пожилая дама в недоумении пожала плечами:

– Я даже не думала, что он заряжен!

Она с искренним удивлением оглядела дуэльный пистолет, который все еще держала в руке (в действительности он больше напоминал музейный экспонат), и после некоторого замешательства аккуратно положила его на консоль перед зеркалом, которое тотчас завладело ее вниманием. Видимо, свое отражение в нем дама сочла не вполне удовлетворительным и поморщилась – на шелковой мужского кроя пижаме расстегнулись верхние пуговицы, а из-под ночной сетки для волос на висках выбилась пара папилюток.

– Что ж, теперь, похоже, придется его разбудить... – Устранив огрехи костюма (не сразу, потому что ее руки все-таки немного дрожали), дама направилась к телефону.

Подождав, пока на том конце провода ответят, пожилая дама твердо проговорила:

– Простите, мэтр, это Аньес. Я очень огорчена, что беспокою вас среди ночи. Однако обстоятельства сложились не самым приятным образом – кажется, несколько минут назад я убила человека...

* * *

Спустя короткое время тишину ночного сада нарушил звук автомобильного двигателя, и в прихожую вошел мэтр Гренадье. Это был полный господин, немного моложе хозяйки дома, но все же весьма преклонных лет, с заспанным красным отекившим лицом. Он шумно, тяжело дышал то ли от волнения, то ли от одышки:

– Ваша светлость! Что произошло? Как вы меня напугали! С вами все в порядке?

– Не волнуйтесь, Поль, я нисколько не пострадала. Мне лишь неловко, что я разбудила вас, – со спокойной улыбкой ответила ему графиня.

Пижама на ней уже не было, ее сменило строгое шерстяное платье с высоким воротником. Папилютки тоже исчезли.

– Ах, Аньес, о чем вы говорите! Я ваш поверенный и всегда к вашим услугам. Сейчас мы наметим, как нам надлежит действовать... – с чувством возразил нотариус, в глубине души поражаясь ее железной выдержке.

– Не беспокойтесь, дорогой Поль, позвольте мне все сначала объяснить... дело в том, что... тело пропало!

– То есть как пропало?! – воскликнул мэтр.

Аньес лишь развела руками.

Они поднялись на второй этаж, осмотрели разбитое окно, и графиня вкратце рассказала о том, что произошло: не спалось, услышала шаги, встала, взяла из оружейного шкафа пистолет, спустилась и, увидев незнакомца, выстрелила. Он вскрикнул и выпал в окно.

– Немного придя в себя, я выглянула наружу и... никакого трупа не обнаружила! – торжествуя заключила графиня. – Посмотрите и убедитесь сами!

Нотариус ответил ей вопросительным взглядом.

– Да, да. Труп исчез! Потом, набравшись смелости и отыскав фонарь, я вышла в сад и все еще раз проверила. – При этих словах на губах Аньес появилась озорная улыбка. – Я тотчас перезвонила вам, но вас, увы, не застала.

Мэтр на секунду прикрыл глаза, как бы стараясь привести свои мысли в порядок.

– Но, мадам, даже если трупа нет и похититель не ранен, факт остается фактом – незаконное проникновение. Нам следует немедленно позвонить в полицию! Возможно, что-то пропало, – быстро заговорил нотариус, но, заметив, что его собеседница нахмурила брови, продолжил в уже менее официальной манере: – Дорогая Аньес, поймите, так полагается. Полицейские должны все осмотреть, зафиксировать. Тем более что на вызов приедет Гастон. Помните его, он ваш крестник? Ну же... такой милый, хороший мальчик... Что скажете? Звоним?

– Я предлагаю компромисс, Поль, – помолчав, без энтузиазма произнесла дама. – Давайте позвоним ему утром. А сейчас нам обоим не помешает успокоить нервы. Может, выпьем по рюмочке?

Они вернулись в гостиную. Наблюдая за тем, как хозяйка разливает коньяк, нотариус усмехнулся: даже если бы кто-то задумал устроить здесь публичное самосожжение, то успокаивать нервы понадобилось бы всем, кроме ее светлости.

– Прискорбно, что все это произошло в отсутствие Шарля, – возобновил разговор Гренадье. – Когда он возвращается?

– Возможно, уже завтра. – Поставив перед нотариусом хрустальный бокал, графиня с довольной улыбкой села в кресло.

– Скажите, мадам, хорошо ли вы рассмотрели этого мерзавца?

– Не совсем. Было темно, – после короткого раздумья ответила она. – Мне припоминаются лишь его очертания. Пропорциональная фигура, как на скульптурах Слютера, плечи широкие, красивая форма головы – это я легко рассмотрела, у него короткая стрижка. И еще я помню очень крупные кисти рук... кстати, он что-то держал в одной...

– Вот именно! Это очень важно! Я как раз хотел попросить вас внимательно все осмотреть на предмет пропажи, – стараясь избегать назидательности, произнес Гренадье, – у вас в доме немало ценных вещей. Вы сказали, что застали его в галерее... а там, сколько я помню, висит ваш Делакруа?

– Делакруа... – Дама чуть заметно вздрогнула, поспешно встала, извинилась, вышла из комнаты и через минуту вернулась с прежним невозмутимым выражением лица. В руках у нее был некий предмет в бархатном чехле.

– Что касается Делакруа, дорогой Поль, впрочем, как и Давида... то теперь это всего лишь копии.

– Ах да, конечно... понимаю. – Нотариус сокрушенно кивнул, перевел взгляд на свою рюмку и, с удовольствием сделав маленький глоток, продолжил: – А как же...

– Уверяю вас, мэтр, здесь нет больше ничего, кроме старого хлама, – перебила его графиня, обводя взглядом гостиную.

– Мадам, это ваше суждение несомненно преувеличено! С вашей стороны по меньшей мере легкомысленно жить в доме, где даже не установлена охранная сигнализация. Я давно предлагал вам...

– Признаться, Поль, есть всего одна вещь, сохранность которой меня беспокоит. – Сухие, морщинистые руки хозяйки принялись привычно развязывать тесемки бархатного чехла. На стол перед нотариусом легла роскошная старинная книга. – Вы знаете, в последнее время я нередко достаю ее и листаю... Здесь вся наша история, былая слава и честь...

– О да, великолепный фолиант, настоящее сокровище! Мадам, тем паче нельзя же так! Без сигнализации.

– Ох уж эти электронные штуки, по мне, от них больше вреда, чем пользы.

– Тогда все можно решить еще проще – абонировать ячейку в банке. А лучше... Вы уж простите, что докучаю, но как ваш поверенный я обязан дать совет: я посвящен в ваши финансовые обстоятельства... подумайте еще раз, не лучше ли будет продать эту вещь?

– Вы можете считать меня суеверной, но в роду Помаров веками передается легенда о том, что если эта книга уйдет из семьи, то и мы исчезнем.

– Аньес, я от кого угодно ожидал услышать такое, но не от вас.

– Можете считать меня безумной, но я в это верю, – усмехнулась графиня.

Видно было, что Гренадье хотел что-то возразить, но никак не решался. Допив коньяк, он придвинулся ближе к ней и тихо сказал:

– Простите, мне горько это говорить, но вы сами знаете, что наследник...

– Не стоит напоминать мне о моем замечательном сыне, – тотчас перебила его графиня. – Почти шесть месяцев я его не слышала и, возможно, еще столько же не услышу...

Тут резким движением графиня придвинула к себе фолиант и внимательно посмотрела на раскрытую наугад страницу. Улыбка скользнула по ее губам, она захлопнула часослов и жестко произнесла:

– Мэтр, эта книга не продается.

По горячим следам незваного ночного гостя найти не удалось. Полицейское расследование в маленьком провинциальном Помаре велось неспешно и ни к чему так и не привело. Недели через три мэтр Гренадье встретил графиню в аббатстве после воскресной мессы – Аньес всегда сохраняла верность традициям... В церкви у Помаров имелась своя особая скамья, стоящая в первом ряду. Почтенная дама находилась в самом отменном расположении духа. В изысканном костюме, с обаятельной улыбкой, изящная, грациозная, она приветливо раскланивалась со всеми, кто подходил к ней, и больше напоминала молодую актрису, играющую роль пожилой дамы.

– Представьте, Гастон забрал пистолет моего деда на баллистическую экспертизу! Не припомню, чтобы кто-то в последние семьдесят лет из него стрелял! – смеясь, рассказала ему Аньес.

– Я давно не видел вас такой веселой! – удивился Гренадье.

– Вы правы, Поль. Пойдемте ко мне на рюмочку, нам есть что отметить. Нынче утром я узнала, что стала бабушкой. Возможно, теперь стоит подумать о новом завещании.

2. Покупка дачи

Подмосковье, пос. Болишево. Пять лет спустя

Перед поворотом автомобиль сбросил скорость и свернул в маленький зеленый проулок. На выцветшем, прибитом к забору указателе красовалось невнятное, но довольно благозвучное название: «Тупи линки». В действительности, если подставить две недостающие буквы, это обозначало – «Тупик Глинки». Неровная, в выбоинах, дорога, обогнув кусты сирени и старую с почерневшим стволом березу, вильнула вправо. Из-за поворота показалась большая лужа, усыпанная желто-зеленой листвой. Не без труда миновав водное препятствие, машина фыркнула и, проехав несколько метров, остановилась у свежерыкрашенной деревянной калитки с отверстием в виде сердца.

– Ну что, отличница, сидишь? Выходи! Принимай хозяйство! – донесся из окна автомобиля бодрый голос, который принадлежал полному, благообразного вида мужчине средних лет, он вышел первым и, обогнув машину, открыл водительскую дверь, предлагая руку своей спутнице.

– Ой, дядя Валер, что-то мне даже не верится... – произнесла та и через мгновение тоже вышла. Женщина была очень хорошенькой, высокой, стройной, даже хрупкой. Заплетенные в толстую косу светло-пепельные волосы, узкие джинсы и короткая джинсовая курточка придавали ей сходство с ученицей-отличницей. – Знаете, мне как-то боязно стало. – Заговорщицки посмотрев на мужчину, она со вздохом неуверенно приблизилась к калитке и улыбнулась.

На щеках ее появились трогательные ямочки, а в уголках глаз и на лбу наместились морщинки (как все-таки непросто определить точный возраст женщины).

– Вот дуреха, честное слово. Ты теперь землевладелица! Целых пятнадцать соток отхватила, или сколько их там... А тебе боязно... – улыбнулся ей в ответ дядя Валера. Было видно, что к племяннице он очень благоволит. – Нет чтоб стакан красного родственнику поставить за хлопоты. С тебя, между прочим, причитается, – с притворным упреком продолжил он. – Ты, кстати, Ольга, с документами поаккуратнее давай. Свидетельство на дачу спрячь, приברי сразу куда-нибудь понадежнее, а то восстанавливать потом, не приведи Господь. Ну, что стоим? Чего ждем? Давай ключи.

– Ой! Да. Действительно... где же они у меня? – спохватилась Ольга, раскрыла сумку. Там, как в любой другой женской сумке, было много всякой всячины, а то, что ищешь, никогда не находится сразу.

Пока племянница шуровала в недрах ридикюля, а дядя Валера, вздыхая, терпеливо ждал. Из-за его спины откуда ни возьмись возникло сморщенное старушечье лицо с криво накрашенными губами, из-под мятой панамы со значком по центру выбивались огненно-красные пряди.

– Ха! Новые хозяева пожаловали! – вместо приветствия произнесла незнакомка громким, хриплым, без тени любезности голосом.

От неожиданности дядя и племянница вздрогнули.

– Так точно! Мы они и есть! – весело отрапортовал Валерий Петрович, пропуская бабуку вперед. – Но для начала все-таки «здравствуйте». А вы, наверное, соседка? И как вас звать-величать?

Но старушка, видимо, была не расположена к светскому общению. Проигнорировав его вопрос, она подкатила поближе издавшую виды детскую коляску, из которой торчали какие-то понурые цветы, и продолжила расспросы, бесцеремонно разглядывая вновь прибывших:

– Я вас еще в прошлый раз, неделю назад, видела... ну и что вы? Как? Заезжать будете? Или все ломать начнете? Вдвоем или еще кто из родни приедет?.. А Рябая-то, выходит, радешенька, вам дом продала и к дочери укатила? Небось содрала с вас деньжищ будьте нате.

Ольга открыла рот и хотела что-то ответить, но Валерий Петрович ее опередил.

– И содрала, и укатила, – послушно согласился он, сразу сообразив, с кем имеет дело.

– Вот ведь зараза! Даже ничего не сказала, все молчком да молчком... а вы тоже хороши, взяли да купили, ни у кого ничего не спросивши, хоть бы с соседями поговорили... – Качая головой, старуха вперилась взглядом в Ольгу, которая наконец отыскала ключи и стояла, зажав их в руке. – Мы бы уж вам рассказали... я тут с шестьдесят четвертого года через три участка живу, меня Люся зовут, все знаю про всех, а Рябую, хозяйку-то старую, как облупленную. В товариществе она раньше работала, все себе за полцены брала, и песок, и щебенку... ох и непорядочная баба...

– Спасибо вам за информацию, уважаемая Люся, не знаю вашего отчества, обязательно с вами еще пообщаемся, но, простите, торопимся, – решительно прервал ее монолог Валерий Петрович и двинулся к калитке.

– Да вы все сейчас торопитесь, ни у кого времени нет... – нисколько не смутившись, еще быстрее затараторила Люся, – а я вам скажу, что напрасно вы с Рябой связались, еще пожалеете потом. Ромка-то у ней, сын, пробы ставить негде, настоящий бандит... такое тут творил, правда, говорят, полгода назад убили его.

– Как убили? Это вы про сына прежней хозяйки говорите? – насторожилась Ольга.

– А про кого ж еще! Про него, голубчика...

– Всего доброго, Людмила. Увидимся. – Взяв племянницу под локоть, дядя Валера в одностороннем порядке прервал разговор с навязчивой соседкой.

Они скрылись за калиткой, но бубнеж за спиной не затихал:

– ...времени нет, все спешат как на пожар, а я точно говорю, напрасно вы с Рябой связались. Нехороший этот дом... пожалеете еще.

Они пошли по дорожке, ведущей к дому. Старый, запущенный сад благоухал после недавнего дождя. К аромату флоксов, растущих среди крапивы и сныти, примешивался запах спелых яблок. Ольга окинула взглядом участок, который показался ей сегодня особенно большим, быть может, потому, что кусты скрывали сетку забора, а может, от осознания того, что теперь все это уже ее собственность и ей самой придется заниматься и садом, и поросшей сорняком клумбой, и домом. Где только на это все время найти, время и деньги? А еще неплохо бы приноровиться, приспособиться к этой самой загородной жизни. Поди разберись, как и что тут надо делать.

У Ольги никогда не было дачи, не считая далекого детства, когда родители снимали у знакомых летний домик в Ильинке. Она являлась типичным жителем мегаполиса, урбанисткой. Теперь же все в ее жизни менялось.

«Ну да ладно... как-нибудь справимся, привыкнем, и на ремонт деньги еще остались».

Перед дверью Ольга снова с непривычки завозила с ключами.

– Вот ведь какая противная старуха, все настроение испортила, – вспомнив разговор с соседкой, пожаловалась она дяде Валере. – И откуда она взялась и какой-то Ромка-бандит?

– Да ладно, не бери в голову! Не видишь разве, что это за Люся. Я такую публику хорошо знаю, местная сумасшедшая, кликуша. И с домом тебе повезло – хороший, крепкий. О хозяйке я справки навел. И про Ромку этого, про сына, все выясним. Я как-никак бывший мент... Не бери в голову, подполковник Торопко, хоть и в отставке, тебе обещает защиту. Кое-какие связи остались, – подбодрил ее Валерий Петрович, войдя в прихожую и деловито осматриваясь. Потом он предпочел сменить тему: – Давай лучше о другом... Насколько я понимаю, большого ремонта ты затевать не хочешь?

– Умоляю, какой там большой! Нам бы с Денисом побыстрее переехать.

– Тогда смотрим, что надо сделать в первую очередь и в обязательном порядке.

– Ой, спасибо вам, дядя Валер, я и вправду не знаю, с чего тут начинать.

– Спасибо вам, дядя Валера... – шутливо передразнил ее Торопко.

На самом деле Валерий Петрович приходился ей не дядей, а троюродным братом, как говорится, седьмая вода на киселе. А почтительное «дядя» Ольга ввела в обиход еще в далекой юности в связи с более чем десятилетней разницей в возрасте между ними.

Торопко легонько подтолкнул ее вперед:

– Шагай, отличница. И не бойся. Мы со Светкой тебе поможем. Жена моя в этом деле ас. Ольга, вооружившись блокнотом, приготовилась записывать все его ЦУ.

Они миновали небольшую террасу, прихожую с лестницей на второй этаж, и оказались на кухне:

– Тут, конечно, ремонт бы не помешал, стены, потолок надо освежить, а вот котел новый придется ставить. Я еще в прошлый раз тебе сказал. Ну, санузел понятно. Унитаз, раковина, кафель, стены, пол – все надо менять.

– Можно и кафель, хотя знаете, мне так понравилась одна идея, – мечтательно вставила Ольга. – Очень оригинально смотрится – мои знакомые у себя дома стены туалета оклеили марками.

– Дойче марками? – усмехнувшись, выглянул из-за двери Торопко.

– Да ладно вам. Обычными, почтовыми, и конвертами. Стильно получилось. Хотя возиться, конечно, с этим не хочется.

– Вот именно. Ты, главное, прикинь свой бюджет, а Светка тебе остальное подскажет. Ведь у нас тоже только что ремонт закончился.

Покинув санузел и кухню, дядя с племянницей направились в комнаты. Их было четыре. Одна большая проходная примыкала к кухне, и еще три изолированных поменьше. Несмотря на то что мебели в них почти не было, кроме той, что по договоренности с Ольгой оставила прежняя хозяйка (кстати сказать, довольно приятная пожилая женщина с запоминающейся фамилией – Рябая), комнаты выглядели вполне симпатично и чистенько.

– Окна вроде бы хорошие, менять не надо. Так, подшкурить, покрасить. А вот обои...

– ...обои надо переклеивать. С такими розанами на стенах я не выживу, – продолжила Ольга и пометила что-то в блокноте.

– Ты скажи, отличница, на пол чего думаешь стелить, ковролин? А то ведь зимой пол может быть холодным.

– Нет, ни ковролин, ни палас Денису не подойдут. Никакого ворса, никакой синтетики...

– Это что ж, все из-за астмы?

– Да все у нас в жизни из-за нее. И квартиру продали, и переезд, и спешка. Надо нам с ним поскорей из Москвы уматывать, у него там приступ за приступом. Врач мне так и сказал: столичный воздух для астматиков – яд.

– Вот ведь несчастный парнишка! – понимающе кивнул Торопко. – Но вообще-то тебе с ним повезло. Хороший мальчишка растет, вдумчивый, разумный. Моя дочка в этом возрасте ох и вредная была. А со школой что думаешь?

– Ой, тут пока больше вопросов, чем ответов. Правда, у него год в запасе есть. А пока будем наслаждаться сельской жизнью...

– Сельская жизнь – это хорошо. Но до Москвы добираться по пробкам – часа два, не меньше. Рано вставать придется. Ты у нас кто – жаворонок или сова?

– Я... я не знаю, – задумалась Ольга, – голубь, наверное...

– Это как?

– Это когда ложишься как можно раньше, а встаешь как можно позже. Словом, я птица-мутант, – улыбнулась она. – А вообще-то каждый день мне ездить не придется. Да здравствует Интернет! Работу прислали, я перевела, потом отправила. Удаленный доступ. Конечно, если что-то стоящее подвернется, то с Денисом Нина останется.

– А что твой благоверный? Знает про дачу? – осторожно спросил Валерий Петрович.

– Боже упаси! Его это вообще не касается. Я даже думать о нем не хочу. Слушайте, может, мы тут с вами чайку сообразим, дядя Валер? – поспешила сменить тему Ольга. – Я с собой сахар и чай в пакетиках захватила...

Услышав про пакетики, заядлый чаеман Торопко скривился:

– Нет, Олюшка, уволь, я эту гуашь не пью. Давай-ка лучше... я там в саду где-то мяту видел...

Валерий Петрович вышел. Сделав еще один круг по комнатам, Ольга вернулась на кухню, зажгла плиту, налила в кастрюльку воды и, подойдя к буфету, открыла дверцы. И сам буфет (деревянный, ностальгический, точно такой же стоял когда-то у них в квартире), и кое-что из посуды хозяйка оставила по ее просьбе на первое время. Ольга хотела найти ложки, но ящик, в котором лежали приборы, оказался тугим и никак не выдвигался. Она потянула сильнее, и ящик со всем содержимым с грохотом обрушился на пол.

Алюминиевые ложки, вилки, крышки, прищепки и прочая мелочь разлетелись по всей кухне. С протяжным вздохом Ольга принялась складывать все обратно.

Из прихожей донеслась тяжелая поступь Валерия Петровича.

– Эх, какая же красота в саду! Там у тебя и мята, и мелисса растут. А яблок сколько! Смотри, что я нам к чаю принес... – обратился он к Ольге, которая сидела на корточках и что-то внимательно рассматривала. – Ну, ты чего застыла?

– Ой! Что это за ужас такой, дядя Валер? – Она протянула ему пожелтевший квадратик бумаги, поднятый с пола. Он, вероятно, вылетел из ящика вместе с ложками.

Это была небольшая любительская фотография, запечатленный на ней молодой человек улыбался во весь рот. Однако лицо его выглядело пугающе. Чья-то рука тщательно поработала над снимком – вместо глаз у юноши на фото зияли безобразные дыры.

3. Господу было угодно даровать мне долгую жизнь...

Франция, Бургундия, графство Помар, 1499 г.

Господу было угодно даровать мне долгую жизнь, каковую я в меру своих скромных сил старалась прожить в соответствии с Его заповедями. Волею Всевышнего мне довелось пережить и обоих мужей моих, и возлюбленных детей, трое из которых покинули меня, будучи младенцами, двое же других преставились уже отроками. Милостью Божьей я до зрелых лет отличалась отменным здоровьем и не знала тяжких болезней, а чрево мое оказалось столь плодотворным, что вопреки горьким утратам я не оставила без наследников ни благородного графа де Рабюсси, ни древний род барона Бонкура, по которому до сих пор скорблю и ношу траур. В малые лета сподобил меня Всевышний стать пристальным свидетелем чумного мора, унесшего жизнь моих матери, сестер и бабки, но самой счастливо избежать мучительной смерти. Вдругорядь Божье Провидение отвело от сердца моего клинок подлого и коварного убийцы. За долгие без малого семьдесят лет на памяти моей, сменяя на троне один другого, сошли в могилу два высокородных правителя Бургундии, смерть последнего из них, не оставившего после себя потомства мужеского пола, предредила судьбу некогда великого Герцогства. Помнится мне, как дважды одевался в траур и французский трон в далеком Париже, хоть я и не была близко сопричастна тому. Ныне же, приближаясь к закату своих дней, я нередко, творя молитву, задаюсь вопросом: во имя чего мне подарены долгая жизнь и крепкая память. В поисках ответа я возвращаюсь к временам моей юности, молодости и зрелости. Иной раз сии воспоминания о былом собирают вокруг меня внимательных слушателей, двое из которых доводятся мне внуками, другие же дальними родственниками. С видимым удовольствием они сидят подле меня и часами внимают моим рассказам. Подчиняясь их настойчивым просьбам, особенно просьбам моей внучки Элино́р, имеющей редкий дар добиваться желаемого, иные истории я вынуждена терпеливо повторять еще и еще раз. Несколько времени назад, поддавшись ее уговорам, я уже было собралась записать свои рассказы. Помнится, еще досточтимый фра Микеле утверждал, что слог мой неплох, хотя ему и не хватает торжественности. Однако жестокий приступ лихорадки, случившийся у меня в минувший сочельник, а наипаче старость, оказал пагубное действие на мое зрение. Глаза сильно ослабели, от затеи Элино́р пришлось отказаться. Как видно, Господь не уготовил мне славу женщины-сочинителя подобно Кристине Пизанской¹, чьей «Книгой ста баллад» я некогда восхищалась. Впрочем, иные говорят, что повествование из уст в уста способно также научать молодые умы. Посему сызнова принимаясь за рассказ... О! Я уже слышу их звонкие голоса за дверями моей спальни, стало быть, они приготовились и ждут. Так вот, принимаясь за рассказ, тешу себя надеждой, что внуки мои найдут в нем для себя не столько забаву, сколько урок и пользу. Не в этом ли и есть высший смысл моего земного существования?

Итак, любезные мои слушатели, случилось это поздней осенью по окончании лета Господня тысяча четыреста шестьдесят шестого...

¹ Кристина Пизанская – средневековая французская писательница итальянского происхождения.

4. Телефонный звонок

Москва, сентябрь. Наши дни

Тот день у Ольги не задался с самого утра. Не было еще девяти часов, когда со всей очевидностью стало ясно, что Денис снова простудился. Потом из-за какой-то кухонной ерунды они повздорились с Ниной. Сразу после стычки позвонил заказчик с «радостным» сообщением, что накрылась ее работа на выставке, на французском стенде. Потом забили тревогу рабочие, занимавшиеся ремонтом дачи, – на стене в ванной обнаружили грибок. Через короткое время в квартире вышибло пробки, и как следствие – из компьютера исчезли две страницы готового перевода для журнала «Путешественник». Ну а уже к полудню разразилась настоящая катастрофа, и Ольге (о, если бы такое было возможно!) нестерпимо захотелось вычеркнуть этот проклятый день из жизни, просто стереть его ластиком.

Дело даже не в том, что после четырех месяцев молчания ей позвонил бывший муж. Собственно, он и раньше им изредка звонил. С ней беседовал, с сыном общался. Не часто, но все же... отцы-то ведь разные бывают. Но на сей раз разговор состоялся совсем не рядовой, можно сказать, из ряда вон. Суть его сводилась к следующему: пять долгих лет, с тех пор как Ольга от него ушла, Филипп жил в разлуке с Денисом, отчего жестоко страдал. Теперь же он пришел к выводу, что хочет сам заняться его воспитанием, соответственно, перевезти во Францию, и если Ольга с его решением не согласна (возражения он слушать не стал), то он намерен через суд получить опеку над сыном. В подтверждение своего решения Филипп привел веские аргументы, касающиеся неблагоприятной экологической обстановки в Москве, тяжелого материального положения Ольги (откуда он это взял?), а также плохого социально-политического климата в РФ в целом. Он, как всегда, говорил предельно вежливо, корректно, гладко, избегая неудобных формулировок, говорил так, как будто рассказывал о недавнем походе в ресторан. Голос бывшего супруга все звучал и журчал, точно лесной ручей. А Ольга стояла, прижимая трубку к уху, и молчала. Казалось, она лишилась не только дара речи, но и слуха, будто рядом разорвалась бомба. Ей особенно запомнилась дурацкая, небрежно брошенная фраза, точь-в-точь как в кино: «С тобой свяжется мой адвокат», которая долго стучала ей в висок уже после того, как она повесила трубку.

«Господи! Для чего все это ему понадобилось? Зачем? – думала Ольга. – С чего вдруг он вспомнил про Дениса? Целых пять лет ждал, и вдруг, ни с того ни с сего, суд! Что он там задумал, в своей Франции! А может, у него появилась женщина? Но зачем ей, то есть им, чужой ребенок? А если она... хотя чего тут додумывать. Боже мой! Отнять у меня Деньку! Откуда взялась эта идея с опекой? Да ему самому опека нужна. Это же просто смешно – Филипп и отцовские чувства. Нонсенс какой-то, ерунда... впрочем, про такое она уже от кого-то слышала. К повзрослевшим сыновьям отцы проявляют больше внимания, с ними интересней, чем с младенцами. А может, Филипп затеял все это по настоянию матери? Нет, Аньес никогда не стала бы. Нет, она не могла...»

Новость была настолько невероятной, что не укладывалась в голову. Уставившись в одну точку, Ольга молча сидела, пытаясь сосредоточиться, но где-то глубоко внутри ее стремительно поднималось и росло нехорошее предчувствие...

– Что с тобой? Ты вся побелела... – робко подойдя к ней, спросила Нина. – Это кто звонил? Филька, что ли?

Ольга кивнула.

– А чего он с Денечкой-то разговаривать не стал?

Ольга не ответила. В ушах, как заезженная пластинка, продолжали звучать слова про адвоката, они-то в конечном итоге и подсказали ей решение:

– Нин, ты не в курсе, Виктор Семенович еще практикует? – с надеждой в голосе обратилась она к своей тетке.

– Кто ж его знает... – качая головой, ответила та, и ее седые кудри пришли в движение. Нина нахмурилась. – Давай выкладывай, что случилось? А то сидит, молчит, сама не своя.

Через полчаса, немного придя в себя, Ольга позвонила Виктору Семеновичу Шепелёву, давнишнему Нининому ухажеру и очень известному в свое время московскому адвокату, который, несмотря на преклонный возраст, все еще практиковал. Но, увы, разговор с Шепелёвым лишь усилил Ольгины страхи. Ее бывший муж, французский подданный Филипп Помар де Рабюсси, права на ребенка имел.

Воистину пути Господни неисповедимы. Что толку теперь заламывать руки, рвать на себе волосы и восклицать: «Такого я даже представить себе не могла?», «Как он посмел!», «Как мог он забыть все, что между нами было!». Получается, мог, и посмел, и забыл...

Хотя начиналось все действительно здорово. Красивая история любви. Он – француз, она – русская, он – в Париже, она – в Москве, где однажды они и встретились, двое не очень юных, но очень одиноких людей. Некоторым такая история могла бы показаться банальной. Сама же Ольга, на тот момент незамужняя, бездетная, в один год похоронившая обоих родителей, была иного мнения, потому что неожиданная встреча с Филиппом в прямом смысле спасла ей жизнь. До него были глубочайшая депрессия, бессонница, таблетки вперемешку с алкоголем, неизбывное чувство вины перед ушедшими родителями и реальные шансы провести остаток жизни в сумасшедшем доме. Завязавшиеся отношения стали для нее чем-то вроде спасательного круга, и ей снова захотелось жить.

Все началось, как это обычно бывает, случайно, с телефонного звонка. Одна коллега попросила ее подменить, выйти поработать с группой французских ВИПов, приезжающих в Москву. Хотя группа – громко сказано. Всего четыре мужика. Программа нехитрая: встреча в аэропорту, размещение в гостинице, ужин, небольшая прогулка по центру, ну и дальше в том же духе.

– С культуркой, – посоветовала коллега Ольге, – палку не перегибай. Просвещай, но без фанатизма. Мужики при деньгах, в возрасте, мир повидали, приезжают погулять, расслабиться. Конечно, Кремль, собор Василия Блаженного, Третьяковку предложить можно, но особо не усердствуй. Вот дорогие рестораны, водка, черная икра, ночные клубы, танцы-шманцы – другое дело. Это они уважают.

Отказать в просьбе коллеге, которая не раз ее выручала, Ольга не смогла. Собрав волю в кулак, она привела себя в порядок и потащила в аэропорт.

Мужики оказались не противные – в возрасте, но не зануды, состоятельные, но не скряги, а самое главное, с живым неподдельным интересом к жизни. Словом, от рядового французского туриста, падающего в обморок при виде счета в ресторане, эти выгодно отличались. Пять дней Ольга состояла при них нянькой, по возможности ограждая их от грубой российской действительности. Встречались они в гостинице после завтрака, шли на прогулку или в музей, потом где-нибудь обедали, обстоятельно, без спешки. Часа два затем отводилось на отдых, а вечером она снова заезжала за ними в гостиницу. Легкий аперитив предварял ужин, после которого они все вместе отправлялись прожигать жизнь – ночные клубы, ночные бабочки... В конце концов, она всего лишь переводчица, а не сотрудник полиции нравов.

Вот и не уберегла одного из них: добродушного толстяка Мишеля проститутка обокрала в номере. Впрочем, на то, что происходило за дверями гостиничной комнаты, Ольгины полномочия не распространялись. Да и сам пострадавший не очень-то убивался. Украли далеко не последнее. Так, поговорили, посмеялись и забыли.

Кстати, по поводу разговоров. Известно, что говорить-то ведь можно по-разному. Многие французы, с которыми Ольге доводилось работать, изъяснялись на современном французском языке, торопливом, небрежном, ленивом, игнорирующем многие правила фонетики. У одних

речь изобиловала арго², у других – англицизмами. Когда язык – профессия, на это поневоле обращаешь внимание. И не потому, упаси бог, что собираешься кого-то поправлять. Просто Ольга, будучи лингвистом, понимала, что способность хорошо артикулировать, точно подбирать слова, выражения, а затем облекать их в стройную, правильную фразу (даже на родном языке) – целое искусство, которому надо долго учиться.

В редких случаях умение красиво говорить дается человеку при рождении. Тогда это никакие не дипломы, а наследственность, гены, семья, среда и все такое прочее.

И хотя все Ольгины ВИПы изъяснялись на очень хорошем французском, у одного из них язык был просто потрясающим. Им-то и оказался Филипп. Он говорил как дышал, легко, свободно, живо. Ничуть не задумываясь над подбором нужного слова, у него они будто сами складывались в предложения, иногда простые, емкие, а иногда длинные, витиеватые, воскрешающие всех французских классиков одновременно. Особенно Ольгу восхищало, что при довольно высокой скорости речи его артикуляция нисколько не страдала. Отменно были слышны все согласные, гласные, переднего и заднего ряда, открытые, закрытые, носовые звуки... Просто настоящий урок фонетики! Еще в аэропорту она обратила на это внимание. А также на то, что другие ВИПы, называвшие друг друга по именам (ей также была предложена демократичная форма «se tutoyer»³), иногда почему-то, то ли в шутку, то ли всерьез, обращались к нему «monseigneur le comte»⁴. Поначалу Ольга приняла это за игру, и лишь к концу дня вопрос разрешился. Они сидели в ресторане и обсуждали, понятное дело, вино. Что еще могут обсуждать французы! В меню значилось какое-то белое бургундское, цена на которое вызвала их недоумение. Ольга поспешила объяснить, что в Москве вина стоят очень дорого, мол, Россия страна «не винная». Вот водка – другое дело. А неожиданно развеселившиеся французы ответили, что если бы хозяин ресторана знал, кому предназначено вино, то наверняка согласился бы сделать небольшую скидку. Виноградник, обозначенный на этикетке как Pommard de Rabussy, обязан своим названием одноименному замку (внизу имелась соответствующая приписка «mis en bouteille au château»), а замком, равно как и всеми землями вокруг, владели предки Филиппа. Еще в XIV веке Гальган де Рабюсси, большой гурман и любитель выпить, состязаясь с аббатом соседнего монастыря, приказал посадить первую лозу на южном склоне холма Кот дю Солей, вблизи своего родового замка. Вино получилось отменное. Это уже позднее выяснилось, что место для виноградника он выбрал самое правильное, потому что идеальная лоза произрастает как раз на высоте от 210 до 280 метров над уровнем моря. Долгое время предки Филиппа не только сами наслаждались чудесным вином, но и успешно им торговали. Так продолжалось вплоть до печально известных событий 1789 года. Впоследствии представители их славного рода лишились не только своих земель, виноградников, замков, но и голов. Для французской аристократии настали тяжелые времена.

– Не только у вас случались революции. – Филипп с улыбкой подвел итог своей семейной саги.

Невзирая на высокое происхождение, он со всеми держался просто, естественно и обладал той выдающей породу легкостью манер, о которой так много писали французские классики. С интересом наблюдая за ним, Ольга, впервые столкнувшись с настоящим графом, не заметила ни высокомерия, ни снобизма.

Как-то из любопытства она спросила его:

– Ваш титул во Франции сейчас что-то значит?

– О, ровным счетом ничего. С 1955 года принадлежность к аристократии больше не имеет юридических последствий. Никаких привилегий.

² Арго – сленг.

³ Обращаться к кому-то на «ты».

⁴ Господин граф (фр.).

– Это, должно быть, обидно.

– Не так все плохо. В последнее время наметились кое-какие сдвиги, мы, так сказать, стали в моде. Скажем, при устройстве на работу иные хозяева отдают предпочтение фамилиям с частицей «де». Они считают, что многовековая родословная помогает быстрее завоевать доверие клиента. Как бы то ни было, спасибо за ваш вопрос, – ответил Филипп и изящно приложился к ее ручке.

С Ольгой он, как и всякий француз, был галантен, вежлив, почтителен. Казалось бы, мелочь – пропустить даму вперед, или придержать дверь, или подать ей руку при выходе из авто, но именно такие мелочи заставляют женщину почувствовать себя женщиной. Филипп проделывал все это непринужденно, легко. С ним вообще было легко. Говорить, гулять, ходить по музеям, есть, выпивать. С остальными, конечно, тоже, но на их фоне Филипп заметно выделялся. За аперитивом, с которого обычно начиналась их вечерняя программа, они переговорами обо всем на свете. Литература, музыка, искусство... казалось, нет такой области, в которой бы Филипп не разбирался. Он был интересным собеседником, блестящим рассказчиком, но в то же время умел внимательно слушать других. Мюссе, Бодлер, Жорж Санд, Шопен, Равель, Мане, Роден, Пикассо, Матисс, Превер, Моруа, Кокто... Под аккомпанемент громких имен Ольгины депрессивные мысли уходили прочь. Мужское общество, приятная беседа, внимание, комплименты всегда действенное лекарство.

Кстати, даже обычные комплименты из уст графа звучали совсем не обычно. Им хотелось верить, им хотелось соответствовать. В какой-то момент Ольге даже показалось, что это не просто светская любезность, а нечто большее, и она поспешила сделать вид, будто ничего не заметила. Она не поощряла флирт на работе. К чему это? Неприятностей не оберешься.

Пять дней пронеслись быстро. Прощальный ужин в «Пушкине» был утонченно-сытнопьяным и веселым. Лишь один Филипп выглядел немного уставшим или грустным. Провожать их в аэропорт она не поехала, французы заказали надежное гостиничное такси и, щедро расплатившись с Ольгой, отбыли. На этом, казалось бы, можно было поставить точку, но через две недели Филипп снова приехал в Москву, а еще через месяц Ольга улетела к нему в Париж, а потом в Ниццу.

Первые месяцы их романа Ольгу не покидало чувство нереальности происходящего. Бесконечные телефонные переговоры, перелеты, переезды с места на место, самолеты, поезда, гостиницы, рестораны... она жила в эйфории праздника с неизбывным ощущением, что все это происходит не с ней, Ольгой Колесниковой, московской переводчицей, не очень везучей, не очень молодой и не то чтобы писаной красавицей (хотя в этом вопросе многие придерживались другого мнения). В то время как Филипп – преуспевающий мужчина в расцвете лет (на момент их знакомства ему исполнилось пятьдесят, но выглядел он много моложе), аристократ в каком-то там поколении, светский лев, блестяще образованный, с обширными связями.

«Зачем ему я?» – часто спрашивала себя Ольга и, не находя объяснения, мучила Нину.

Нина Семеновна, Ольгина тетя, старшая сестра ее отца, всегда и на все имела готовые ответы. Она с удвоенной силой взялась опекать племянницу, когда та осталась одна. Своих детей у Нины не было, единственного законного мужа, который ревновал ее к каждому столбу, она выгнала много лет назад. С тех пор замуж не выходила, но мужским вниманием обделена не была – страсти вокруг нее в свое время кипели нешуточные. Помимо яркой внешности Нина Семеновна обладала светлым умом, твердым характером и сделала в Госплане, где проработала более тридцати пяти лет, головокружительную карьеру. Выйдя на пенсию, деятельная Нина не могла представить себя сидящей на лавочке с соседками по подъезду. Когда не стало Ольгиных родителей, она вновь ощутила себя нужной и со всей энергией ответственного работника советской закалки взялась устраивать жизнь племянницы.

– Лично меня, дорогая моя, волнует другое! – неодобрительно качая головой, говорила Нина. – Не зачем ТЫ ему, а зачем ОН тебе? Ишь, какой франтишка из Парижа явился! – и

обрушивала на Ольгу несметное количество историй о женщинах, пострадавших от злокозненных иностранцев.

– Он тебя на двенадцать лет старше! А ты умница, интересная женщина, хорошо зарабатываешь, на своих ногах стоишь. Сдался тебе этот черт французский! У нас что, своих русских мужиков не осталось? Мало тебе ровесников... А потом, еще неизвестно, почему он до сих пор холост, может, больной какой?.. Поверь мне, я жизнь прожила, что-то тут нечисто.

По каким-то своим причинам Нина Семеновна не доверяла иностранцам вообще и Филиппу, которого видела всего несколько раз, в частности. Ольга возражала, пыталась объяснить, что Филипп был женат, но развелся, и что она сама уже далеко не девочка, и ухажеры под ее балконом, увы, не стоят. А если кто и появляется, то без слез на него не взглянешь. Отечественный-то кавалер больше на бутылку смотрит, чем на зрелых дам...

Вообще Ольга ждала от Нины совсем другого. Может быть, поэтому разумные теткины предостережения она тогда не слышала. Вспомнила о них потом, когда было слишком поздно...

5. Первые гости на новой даче

Подмосковье, пос. Болишево. Наши дни

Над поселком повисла низкая черная туча, скрыв солнце, освещавшее лужайку перед домом. Ветер, качнув макушки деревьев, сорвал и закружил хороводом желто-красную листву. Над железнодорожной станцией, над пыльным, ошетилившимся подъемными кранами городом Королевым басовито гроыхнуло.

«Оказывается, гром бывает не только летом», – неожиданно радостно подумалось Ольге.

В городе она почему-то никогда этого не замечала, теперь же, став хозяйкой загородного участка, каждый день открывала для себя что-то новое. То ее удивляли чудом уцелевшие, но все еще сладкие ягоды на полуоблетевшем кустике малины, то буквально наповал сразила семейка опят, примостившаяся к крыльцу, то шмель, деловито летающий среди осенних цветов.

Однако загородная жизнь приносила Ольге не только радости. Например, канализация и система отопления вызывали у нее панический страх: «А вдруг что-то сломается и тогда чего?»

Слава богу, в учителях пока нехватки не было. Буквально по мановению волшебной палочки (палочкой, разумеется, был Валерий Петрович, а также его жена Светлана) явились «двое из ларца»: Микола и Богдан, украинские братья-строители, белобрысые, румяные, очень духовитые, мастера на все руки. Они с готовностью взялись за нехитрый ремонт в Ольгином доме, а мимоходом обучали ее всем хозяйственным премудростям. Братья работали много, быстро, качественно и отдыхали лишь по воскресеньям.

В один из таких воскресных дней Ольга, взяв с собой Дениса, поехала с контрольным визитом в Болшево, пригласив заодно давнего институтского друга, Алика Поленова.

Тот как раз хотел ее навестить, как он сам выразился, «оценить свежеприобретенную недвижимость и насладиться с подругой сельскими плезирами». Они приехали к полудню, осмотрели участок, дом и с особым вниманием проинспектировали то, что за неделю нарабатывали братья-строители. Денису понравилось решительно все. Ольга в общих чертах тоже осталась довольна. Замечания были лишь у перфекциониста Алика. И хотя собственного дачного опыта у него не имелось, советы по благоустройству дома, участка, ведению хозяйства он все же давал со знанием дела и с видимым удовольствием. По большому счету, для Алика не существовало такой области, в которой он не мог бы хоть чего-нибудь насоветовать. В этот раз Ольга узнала, что от запаха краски в доме полезно развешивать мокрые тряпки, смоченные нашатырным спиртом, и что с рук краска легко снимается при помощи постного масла. Кроме того, копилка хозяйки пополнилась рекомендациями по борьбе с молью – лучшим средством, как выяснилось, являются железный купорос и листовой табак. Причем нюхательный, мелко нарезанный, для этого совершенно не годится...

Наконец с осмотром недвижимости было покончено. Денис убежал мастерить себе лук и стрелы, а Ольга с Аликом, вытащив с веранды два пластиковых стула, расположились в саду на солнышке. Они курили и болтали о разном.

– Слушай, получается, что с тех пор Филипп тебе больше не звонил? И ты ему тоже? – Алик решил затронуть болезную тему.

Вмиг помрачневшая Ольга молча кивнула. Она уже давно мучилась над вопросом, почему, собственно, ей не звонит Филипп. Неделью назад она отправила ему довольно резкое письмо на электронную почту, но ответа не последовало. Неизвестность пугала. Воображение рисовало страшные картины, как бывший муж с эскортом вездесущих пройдох-адвокатов отнимает у нее сына.

Ведь этим пронырам не составит никакого труда выяснить, что в загсе при регистрации Дени Помар де Рабюсси, мягко говоря, намухлевали. Тогда, чтобы сделать из французского

младенца российского гражданина, Ольга просто сняла с себя бриллиантовые серьги и положила на стол перед регистраторшей. Правда, у Ольги имелись свои контраргументы, довольно веские, если верить Шепелёву – старенький адвокат, поохав, все же взял на себя бремя забот о Нининой племяннице, не смог отказать.

– А если предположить, что все это Филипп затеял только для того, чтобы тебя позлить? Такая мелкая гадкая месть... Ты сама не появляешься, не звонишь, денег у него не просишь, типа независимая очень, «нам ничего не надо, мы живем хорошо», вот наш французский муж и решил...

– Не знаю, Алик, ей-богу, не знаю... – в задумчивости протянула она. – По крайней мере, я к встрече с Филиппом подготовилась. И прошу, не будем больше об этом.

– Эх, Олька, Олька! Вот чем ваш космополитизм оборачивается. Европейский леденец на деле оказался рвотным порошком. Меж тем идеи западничества при всей их эфемерности в России неистребимы. Парадокс! Нет чтоб за русского мужика замуж выйти. Помнишь, я тебя еще в институте звал... – При этих словах Поленов легонько ткнул ее в бок.

– Твой зов был очень тихим и невнятным.

– В следующий раз подарю тебе слу-хо-вой аппа-рат, – произнес он по слогам и подчеркнуто громко.

– Что ж, тогда и подумаем, – усмехнулась Ольга.

Они замолчали. По лужайке с какой-то рогатиной и мотком веревки деловито проследовал Денис.

– T'as pas froid?⁵ – спросила его мать.

– Нет, жарко, – ответил мальчик и скрылся в кустах.

– Тогда, хозяйка, давай чай пить. Может, хватит гостя голодом морить, – с притворным упреком нарушил тишину Поленов. – Крыжовенного варенья-то небось не дашь?

– Вот уж наглость какая! Откуда оно возьмется? – с улыбкой возмутилась Ольга. – Ничего, обойдешься бутербродами и покупным кексом.

На тропинку упали первые капли дождя. Алик оценивающе осмотрел тучу, потушил сигарету и встал.

– Было бы хорошо, если бы завидный русский жених не забыл убрать за собой и за дамой стулья, – назидательно сказала Ольга на ходу, направляясь в дом. – Под навес! – и уже с крыльца, обернувшись, крикнула: – Denis! A table! Tu est où? Viens vite⁶.

Мальчуган не заставил себя ждать. Он вбежал на веранду и с воодушевлением принялся рассказывать, как у него почти получилось развести костер. На щеках его играл румянец, светлые вьющиеся волосы чуть растрепались, глаза лучились счастьем. На даче ему явно нравилось. С гордостью выложив на стол коробок спичек, он показал черные от сажи руки и отправился их мыть. В присутствии гостя он в отличие от матери говорил только по-русски, не переходя на французский. Вернувшись, он чинно уселся на стул и расстелил перед собой салфетку в ожидании чая.

По счастью, на веранде строители уже завершили работу, а Ольга, насколько могла, навела уют. Это она умела. Тут был и плетеный абажур, и такие же плетеные стулья, и симпатичные кружевные занавески на окнах, и клетчатая скатерть на столе, и фарфоровые чашки, и даже ваза с цветами. (Новоиспеченная дачница потихоньку перевозила из Москвы вещи и с неиспытываемым доселе чувством обустривала свой дом.)

Оживленно переговариваясь, все трое с аппетитом поглощали бутерброды, которые, по мнению Дениса, здесь были намного вкусней, чем в Москве.

⁵ Тебе не холодно? (фр.)

⁶ Денис! К столу! Ты где? Иди скорей (фр.).

Дождь, сначала робкий, морозящий, припустил сильней. Сквозь запотевшее окно Ольга смотрела на мокрый сад, ей нравилось, когда идет дождь. Как в том старом детективе «Что может быть лучше плохой погоды», если бы не жуткий Денискин кашель, который всегда усиливался от влажного воздуха.

– Хочешь совет? – расправляясь с очередным бутербродом, спросил Алик.

– Валяй!

– Если на пластиковые окна у тебя пока денег нет, поставь между рамами стаканчик с поваренной солью или толченым древесным углем – это поглощает влагу. Лучшее средство от запотевания окон.

– Интересно, откуда берется древесный уголь? – по-светски поинтересовался Денис.

– Нет, ты лучше скажи, откуда берется вся эта обойма ценнейших сведений... про поваренную соль, нашатырный спирт и нюхательный табак? Дай угадаю, из книги «Домоводство» пятьдесят второго года? – ехидно спросила у Алика Ольга.

– Не пятьдесят второго, а тысяча восемьсот девяносто третьего, и не «Домоводство», а «Руководство по домоведению для домашних учителей и гувернанток», но если вам это неинтересно, то я могу и журнальчик почитать. Тоже раритетное издание, между прочим...

Алик раскрыл старый номер журнала «Вокруг света», на который он наткнулся, inspectируя кладовку.

– Как кстати! – воскликнул он и принялся зачитывать отрывки статьи. – «Гуляя по весеннему Парижу, мы оказались на улице Мари Роз... в этом скромном доме с тысяча девятьсот девятого по тысяча девятьсот двенадцатый год жил и работал Ильич. Здесь прошел самый тяжелый период его эмиграции». Ай-ай-ай, какая трагедия! Оляка, ты, разумеется, почтила своим вниманием эту парижскую достопримечательность?

Как ни странно, Ольга знала эту улицу, но, разумеется, не в связи с Лениным. Еще до встречи с Филиппом она бывала в Париже и наивно полагала, что довольно неплохо знает город. Она ездила туда несколько раз, то с группами русских туристов, то с индивидуалами-нуворишами (в качестве сопровождающей), то сама по себе. Вне зависимости от состава группы и степени буржуазности туристов среднестатистический тур по Парижу был плюс-минус один и тот же: Эйфелева башня, Нотр-Дам, Лувр, Монмартр, Елисейские Поля, прогулка на корабликах по Сене. Интеллигентная публика просилась в музей Орсе, особняк Родена, денежная непременно отмечалась в «Мулен Руж», Фоли Бержер, туристы с детьми пару дней проводили в Диснейленде. Ну и, конечно, всех без исключения интересовали магазины – Samaritaine, Printemps, Galleries Lafayette⁷ или что-нибудь поскромнее.

Но, оказавшись в Париже с Филиппом, Ольга обнаружила, что, по большому счету, не знает города. Точнее, он открылся ей совсем в ином качестве. Вместо сухих дат, цифр и имен Париж наполнился жизнью. То был город великих королей и роскошных куртизанок, благородных шевалье и дворцовых интриг, кровавых преступлений и гениальной поэзии, изысканных трапез и страшных болезней. Не случайно, по одной из гипотез, происхождение носовых звуков в современном французском языке объясняется деформацией хрящей носа на третичной стадии сифилиса. В свое время он нещадно косил столичный бомонд.

Филипп рассказывал, и у Ольги перед глазами, казалось, оживали персонажи Мольера, Шодерло де Лакло, Бомарше, Бальзака, Пруста, Дрюона. Все эти виконты, бароны, маркизы, поэты, художники и, разумеется, графы де Рабюсси. Они зримо присутствовали повсюду. В Лувре в одном из залов висели полотна Фрагонара, Буше и прочие, переданные предками Филиппа в дар музею. В квартале Марэ был ресторан, носивший их имя. А на Храмовой улице стоял особняк, принадлежавший одному из Рабюсси, но позднее проигранный им на скачках на Марсовом поле. В XVIII веке там находился ипподром. Другой графский прашур на пло-

⁷ Крупные парижские магазины.

щади Согласия лишился головы. Третий был растерзан толпой при штурме Бастилии. Правда, существовали и светлые страницы истории. К ним, без сомнения, Филипп причислял расстрел парижских коммунаров у кладбища Пер-Лашез – полковник Антуан Помар де Рабюсси, бывший тогда в штабе версальцев, этому немало поспособствовал.

– Невероятно! Эти мерзавцы установили пушку прямо на могиле герцога Мори! Какое варварство! Мой прадед был с ним дружен и очень тепло о нем отзывался.

Впрочем, его экскурсии никогда не ограничивались узкосемейными рамками. Он действительно прекрасно знал город. Просто история Парижа, да и вообще история Франции, в интерпретации Филиппа сильно отличалась от той, что Ольга когда-то учила в пединституте, и, надо отдать ей должное, учила неплохо. А подготовленному слушателю, как известно, рассказывать приятно вдвойне.

Хотя случались и такие дни, когда они обходились без прогулок, ограничиваясь квартирой в шикарном пригороде, где жил и работал Филипп. Тогда они часами не вылезали из постели, наслаждаясь обществом друг друга. А потом, голодные, отправлялись в какой-нибудь ресторанчик по выбору графа. О! Его вкусу можно было довериться! В ресторанах в вопросах кухни он не знал себе равных. Стоило Филиппу сесть за столик и просто открыть меню или винную карту, как официант каким-то непостижимым образом тотчас догадывался, что пришел не обычный клиент. Ольга всегда поражалась этой способности Филиппа все делать красиво: заказывать блюда, есть, пить, оплачивать счет, от сумм в котором у нее подчас темнело в глазах. Но, казалось, самое большое удовольствие он получал, просто глядя, как Ольга ест, и наслаждаясь произведенным эффектом.

– А теперь попробуй это, только вместе, потому что *langoustines sauce au morille*⁸ надо запивать шампанским.

И вот Филипп протягивает ей высокий узкий бокальчик, из-за своей формы его называют «flute» (впрочем, шампанское пьют еще из «лафитов», они широкие и плоские. Это уж кому как нравится). Ольгин нос щекочит прохладные, чуть с кислинкой пузырьки брют. Не напиток, а веселящий газ. Вот уж что правда, то правда!

– Теперь я понимаю, почему французы все время говорят о еде! – восторженно восклицает она, дегустируя очередной гастрономический шедевр.

– *Vraiment, pas mal, pas mal du tout*⁹, – отвечает ей Пьер с довольной улыбкой.

Ему нравилось «просвещать» ее, объяснять, рассказывать, что и как приготовлено. Ольга называла эти походы гастрономическим ликбезом.

Особенно ей запомнились их ужины в «Тастевин», в небольшом ресторане на окраине парка Мальмезон, где неподалеку долгие годы жила покинутая Наполеоном Жозефина. Место было живописное – в парк спускалась веранда со столиками, во всем чувствовалась сдержанная благородная роскошь. В отличие от парижских ресторанов там было тихо и малоллюдно, должно быть, потому что очень дорого. Они ходили туда два раза. В первый, когда она окончательно перебралась к Филиппу и была на третьем месяце беременности, во второй – когда родился Денис.

Там, в «Тастевин», на зеленой веранде, выходящей в парк, она чувствовала себя по-настоящему счастливой. И не задумывалась над скоротечностью счастья.

Дождь прекратился, тучи исчезли, будто их и не было. Яркое солнце снова осветило сад. Ольга попросила Дениса, который все еще покашливал, не выходить, а немного подождать, пока на улице чуть подсохнет. Тот безропотно согласился и в ожидании листал купленную по дороге на дачу книжку. Как и многие его сверстники, к чтению Денис относился без энтузиазма. Но в этой хотя бы были картинки.

⁸ Лангусты под сморчковым соусом (*фр.*).

⁹ В самом деле, неплохо, совсем неплохо (*фр.*).

– Я что-то не пойму: почему у нее на голове шапка звездочета? – спросил он, показывая на рисунок, изображающий обитателей средневекового замка.

– Если не ошибаюсь, эта шапка в виде высокого конуса называется «эннен». Лет шестьсот тому назад их носили знатные дамы, – не без удовольствия объяснил Алик.

– А зачем им нужны эти глупые эннены? Вот мама и Нина шапки надевают только зимой.

– Видите ли, молодой человек, в те далекие времена головной убор был неотъемлемой частью туалета, подтверждающей статус: кто этот человек – благородный рыцарь или бедный ремесленник. Для каждого сословия существовали свои, как ты говоришь, шапки. Покажи мне свою шапку, и я скажу, кто ты. Простоволосыми, то есть без шляп, ходили только простолюдины. Такова традиция... Вам ли, граф, этого не знать.

– Упоминать титул вовсе не обязательно, – тотчас отозвался Денис, видимо, повторяя слова матери.

– Так! Поленов, не морочь ребенку голову! – выразительно посмотрев на Алика, сказала Ольга.

Она не любила все эти разговоры о фамильных титулах, а в свете последних событий все чаще задумывалась о пользе гильотины.

«Как бы то ни было, но для шестилетнего ребенка, растущего в России, все эти аристократические бредни ни к чему. Сейчас он еще мал, но потом, когда пойдет в школу, начнутся вопросы. Кто знает, как бы он себя чувствовал в классе с фамилией Помар де Рабюсси. (Не случайно Ольга настояла, чтобы в метрике Дениса значилась ее фамилия.) Детский коллектив жесток и непредсказуем» – так рассуждала она и однажды поделилась своими сомнениями с Поленовым.

Признаться, она не вполне понимала, как и когда следует рассказать сыну о его происхождении и титуле, тем более что к нему решительно ничего не прилагается: ни земель, ни замков, ни денег. И ограничилась пока полумерами, объяснив для начала, что его папа и бабушка происходят из очень старинной и знатной семьи, которая раньше жила богато, но теперь обеднела. И главное здесь не богатство, а воспитание, образование и личные качества. Денис был хорошим ребенком, понимающим и, выслушав сумбурные материны объяснения, не стал задавать лишних вопросов.

Зато вопросы, один за другим, посыпались на нее от Поленова. И всякий раз, когда в разговоре заходила речь о французской родне, между ними разгорались споры. Алик, оказавшийся ярким сторонником сословных привилегий и табели о рангах, так горячо защищал Денискино дворянство, будто речь шла об экспроприации его собственного родового имения.

– Колесникова, тебя страшно слушать! – обрушивался он на нее. – Ты рассуждаешь как большевик и мракобес! Это они кричали о полном и всеобщем равенстве. Нет, ребенок должен знать, кто он. Не лишай своего сына его корней, семьи, истории, его исключительности, избранности, наконец.

– Я и не лишаю, – пыталась оправдаться Ольга, – только избранность нечем подкрепить. Я не смогу нанять ему гувернантку и частных учителей. Ему придется ходить в обычную школу, где учатся обычные дети и где все равны.

– Равенства нет, не было и никогда не будет! Мы не равны, мы все разные! И твой Денис тому подтверждение. Разве ты не видишь, что он не похож на других детей! Шестьсот лет евгенического отбора, генетика, матушка!

Ольга, разумеется, это видела, не могла не видеть. Ведь Денис не чей-нибудь, а ее сын. Он рос, потихоньку взрослел, а она не без гордости наблюдала за ним, подмечая в малейших деталях, как он изящно двигается или стоит на месте, как говорит, общается с другими детьми или молчит, как спит, ест, пьет... кстати сказать, с малого возраста Дениса не стыдно было посадить за взрослый стол, он ел вполне аккуратно, старательно орудуя приборами. Глядя на его идеально прямую спину – мальчик никогда не сидел, развалившись, болтая, как другие

ребятишки, руками, ногами, – Ольге вспоминалась свекровь, мать Филиппа. Денис все больше становился похож на нее – то в повороте головы, то в манере сосредоточенно-внимательно смотреть на собеседника Ольга невольно узнавала Аньес. Гуляя с сыном на детской площадке, она замечала, что ее малыш в отличие от сверстников не гримасничает, не дерется и никогда не бьется в истерику, отбирая у кого-то игрушку. Поразительно, но у Дениса вообще не имелось привычки у кого-то что-то отбирать, но в то же время была уверенность, что эту игрушку, этот вожаделенный предмет, он обязательно получит, не сейчас, так потом.

Словом, Ольгино сердце частенько преисполнялось счастливой материнской гордостью, и, по большому счету, ничего нового в словах Алика Поленова для нее не было – не секрет, как мать относится к своему чаду. Не только Поленов, но и другие лили воду на эту мельницу. Нинина подруга Раиса определила Денискину непохожесть «как врожденный аристократизм», и в глубине души Ольга с ней, конечно, согласилась. Но вслух и тем более в присутствии сына не сказала ничего из опасения, как бы все эти разговоры об исключительности и аристократизме не испортили ее замечательного мальчика, превратив его в самодовольного барчука с комплексом короля в изгнании в придачу.

И теперь, по привычке сделав суровое лицо, Ольга уже собиралась отчитать Алика, как только Денис уйдет гулять, но тут в калитку позвонили.

– Ваше сиятельство, кажется, вассалы-строители вернулись. Прикажете впустить? – не желая ничего замечать, произнес Поленов и добавил: – Кстати, нелишним будет им напомнить, что обои в гостиной морщат.

Ольга в недоумении посмотрела на часы.

– Что-то они рано. – И, погрозив Алику кулаком, она пошла открывать.

Но у калитки оказались не строители, а два совершенно незнакомых парня. Рядом, на обочине, стояла их машина с тонированными стеклами, на которой, видимо, они приехали. Здоровущие, высоченные, в характерном прикиде, с не менее характерными стрижками, они будто вышли из новостной передачи времен 90-х.

– Здравствуйте, молодые люди. Вам кого? – вежливо спросила Ольга, подавляя улыбку: их грозная внешность скорее насмешила ее, чем испугала, учитывая, что оба «бугая», как она про себя окрестила их, синхронно-сосредоточенно жевали жвачку.

Невнятно ответив на приветствие, первый бугай приблизился к Ольге и, стрельнув глазами вправо-влево, изрек:

– Мать позови!

– Какую мать? Вы скорее всего ошиблись, – усмехнувшись, ответила Ольга.

– Не понял, а хозяйка-то где? – чуть растерявшись, спросил визитер.

– погоди, Колян, – к разговору присоединился бугай номер два, взгляд у которого, как показалось Ольге, был более осмысленным. Он, видимо, решил поддержать товарища. – У вас какой адрес? Тупик Глинки, дом три? Здесь живет Рябая Елена Ивановна?

– Ах вот оно что! – догадалась Ольга. – Вы опоздали, Елена Ивановна уехала, продала дом и уехала. Теперь я тут хозяйка.

На крыльце появился Алик и окликнул ее. Увидев приближающегося мужчину, незнакомцы почему-то нахмурились. На широком прыщавом лбу Коляна проклюнулась морщина:

– Как это продала, когда?

– Чуть больше месяца назад. А в чем, собственно, дело? – опередив Ольгу, в беседу включился Алик.

– А нет никакого дела... – хмуро буркнул Колян.

– Нам просто нужна Елена Рябая, старая хозяйка. Где она сейчас, случайно, не знаете? – сделав шаг вперед, продолжил его спутник. Судя по всему, он был настроен более миролюбиво.

– Мне, к сожалению, ее нынешний адрес неизвестен, но, насколько я поняла, она уехала к дочери.

– А сын ее где?

– Про сына я вообще ничего не знаю, – в голове у Ольги мелькнула догадка. – У меня был где-то записан ее... – Ольга хотела сказать «телефон», но в ту же секунду почувствовала легкий толчок в спину.

Не дав ей договорить, Алик взял инициативу в свои руки:

– Если, Ольга, ты имеешь в виду телефон, то я давно его выбросил.

Прозвучало это фальшиво.

– Хм, выбросил, – с недоверчивой ухмылкой отозвался Колян, – а зря!

Ольга напряглась: ей не понравилась усмешка незнакомца.

«Зачем только Алик вмешивается! Это что, он так заступаться за меня вздумал?»

– погоди, Колян, – по-прежнему благодушно заговорил второй. – Понимаете, нам очень сильно нужна Елена Ивановна. Может, вы все-таки посмотрите...

– Я совершенно точно знаю, что у нас ее телефона больше нет, – отрезал Алик. Снова фальшиво.

Бугай посмотрел на Поленова, и благодушие мгновенно исчезло с его лица.

– Пойдите, пойдите, я сейчас схожу посмотрю, – засуетилась Ольга, про себя ругая Алика: «И чего, дурак, лезет. Надо бы дяде Валере позвонить, посоветоваться...»

Но самое неприятное заключалось в том, что листочек, на котором она записала злосчастный номер, действительно пропал. И когда после тщетных поисков Ольга вернулась к калитке со словами, что, мол, сейчас у них ремонт и ничего найти нельзя, оба бугая смотрели на нее недобро. В это время удивительно некстати откуда-то из-за кустов выбежал Денис. Колян проводил его внимательным взглядом и смачно плюнул, а второй, дыхнув на Ольгу ментоловой жвачкой, процедил:

– Будет лучше, если ты телефон найдешь... или вспомнишь.

С этими словами он выразительно постучал себя пальцем по лбу. Казалось, палец его намекает на то, что и Ольга, и Алик не вполне понимают, с кем имеют дело.

6. Оруженосец Гальгано

Франция, герцогство Бургундия, графство Помар, 1499 г.

– Итак, случилось это осенью по окончании лет Господня тысяча четыреста шестьдесят шестого... – без спешки начала свой рассказ пожилая дама, но тотчас прервалась, попросив придвинуть к ней одну из жаровен, горевших в комнате, – в канун праздника Адвента¹⁰.

– Скажите, миледи, сколько же лет в ту пору вам исполнилось? – с готовностью исполняя ее просьбу, не удержался от вопроса белокурый юноша.

– Молодость моя тогда, увы, миновала, я почти достигла возраста Спасителя нашего, хотя в браке с Мишелем Помар де Рабюсси, графом Помара и Тесле, прижила лишь двух здоровых детей: сына шести лет и дочь двумя годами младше... да, да, Жакино, впоследствии маленький Роллан, стал вашим батюшкой, – обернувшись к юноше, произнесла графиня. – Так вот, первый Адвент, как вам известно, широко праздновался в нашем графстве. И я, возвращаясь из цистерцианского аббатства, торопилась сделать все надлежащие распоряжения.

В сухую и бесснежную погоду дорога была не утомительной и не составила более двух часов езды в повозке, в которой кроме детей со мной ехала няня Татуш. Был еще фра Микеле, ученый монах-францисканец, служивший секретарем моего супруга и хранителем библиотеки, а также слуга, взятый для охраны. Они следовали за нами верхом. До замка оставалось не более пяти лье. И вот на той части дороги, что ведет через Заячий лес, нам повстречались два всадника. Их вид нас не только удивил, но и озадачил. Они так торопились, что даже не сочли нужным осадить коней, а также выказать должную учтивость – по гербу на повозке всякий бы легко догадался, кто в ней. Точно две кометы, они промчались мимо, порядочно испугав наших кобыл. Я еще задала вопрос няне Татуш, не знает ли она этих двоих, но ей они были неизвестны.

Когда наша процессия миновала лес и оказалась на открытой местности близ развилки дорог, мы увидели лошадь, мирно стригушую траву. Помнится, фра Микеле – не зря его острый глаз и наблюдательность снискали себе славу – сразу обратил наше внимание на одну странную деталь: лошадь под седлом, а седока нигде не видно. Но стоило нам приблизиться, как странность эта объяснилась самым ужасным образом. У моста через Лебяжий ручей в дорожной пыли недвижимо лежал человек. Охранник и фра Микеле спешили и бросились к нему. Помешкав, мы с няней тоже вышли из повозки.

О! Нашим глазам открылась печальная картина. В дорожной пыли в окровавленных одеждах перед нами лежал оруженосец Гальгано, любимец графа и его верная тень. Несчастный был мертв, заколот кинжалом, но тело его еще не успело остыть, как заметил брат Микеле. Вместе с ним мы тотчас осмотрели все вокруг, но ни дорогого оружия, ни кошель, ни его баула с вещами поблизости не оказалось. Вследствие этого мы с Татуш заключили, что оруженосец был убит какими-то бродягами из корысти.

«Рискну предположить, графиня, что всадники, встретившиеся нам в лесу, вовсе не похожи на бродяг, живущих грабежом. Иначе они бы украли и лошадь», – возразил мне монах, но я по глупости тогда не придавала значения его словам.

Оставив подле несчастного нашего слугу, мы поспешили вернуться в замок, и я сообщила мужу печальное известие. Вне себя от гнева, граф стал кричать и топтать ногами – убийство оруженосца он расценил как личное оскорбление. Позже, успокоившись и выслушав подробный рассказ фра Микеле, он отдал распоряжение о похоронах Гальгано и даже объявил награду тому, кто поможет отыскать его убийц.

¹⁰ Адвент – католический праздник, время ожидания Рождества Христова.

«Грешно так говорить, но горевать по нему я не стану. Невзирая на молодость, Гальгано был дурной человек. Его длинный злой язык не раз служил причиной наших размолвок с мужем», – шепнула я тогда няне Татуш.

Ни с кем другим, кроме моей верной доброй служанки, бывшей подле меня еще в доме отца, я бы не могла поделиться своими мыслями. За четырнадцать лет с моего приезда в Помар среди приставленных ко мне фрейлин доверенных лиц так и не сыскалось. К тому же глупая женская болтливость, как учили меня дома, подобна обоюдоострому клинку, который больно режет с обеих сторон.

Между тем замок готовился к празднику. В последний день вкушения мясной пищи перед Рождественским постом всех: и хозяев, и свиту, и званых гостей, коих ожидалось до двадцати человек, и прочих обитателей замка – ждала обильная трапеза. Дети мои, я называю Помар замком в силу привычки, в действительности в ту пору это сооружение таковым уже не являлось. Наше графство, как и те, что соседствовали с нами, не помышляя о войне, жило в мирных трудах и заботах. Еще задолго до моего приезда в Бургундию замок не использовался для военных целей, был изрядно увеличен, перестроен и вполне сравнялся с нынешними дворцами. Ров, некогда служивший ему защитой, сильно обмелел. Подъемный мост, опутанный плющом, врос в землю. Южную башню, к которой примыкали хозяйственные службы, снабдили широкими воротами, таким образом сделав проездной.

Итак, в главном зале, именуемом «залом сенешалей»¹¹, шла работа. Уборщики выметали из углов паутину, лакеи составляли козлы для столов, мальчишки-прислужники сносили туда во множестве светильники и канделябры. Трое слуг были заняты подвеской новой шпалеры, доставленной накануне из Лилля. Во всем желая следовать правилам герцогского двора и потрафить своему тщеславию, граф сам ездил к мастерам и уплатил им изрядно. За ходом работ, подгоняя людей и покрикивая, наблюдал мажордом Боншан. Он сообщил мне, что еще накануне сговорился с комедиантами, которые будут представлять перед гостями аллереорию с кораблем и китом. Пригласил он и музыкантов с певцами, и азиатских жонглеров. Мое внимание привлел находившийся в зале незнакомец с загорелым лицом. Мажордом подвел его ко мне и представил как господина Деложа, поэта, весьма известного в Париже под именем Франсуа Вийон. Господин Вийон улыбнулся и тотчас с поклоном адресовал мне довольно дерзкое стихотворение. Не знаю, будет ли уместным повторять его сейчас вам...

– Ах, бабушка, прошу вас, повторите, мне очень нравятся его стихи! – Ее миловидная внучка с живым лицом и озорной улыбкой захлопала в ладоши.

– Что ж, изволь, Элинор. Вот то, что мне удалось сохранить в памяти:

Но я еще любил тогда
Так беззаветно, всей душою,
Сгорал от страсти и стыда,
Рыдал от ревности, не скрою.
О, если б, тронута мольбою,
Она призналась с первых дней,
Что это было лишь игрою, —
Я б избежал ее сетей!
Увы, на все мольбы в ответ
Она мне ласково кивала,
Не говоря ни «да», ни «нет».
Моим признаниям внимала,
Звала, манила, обещала

¹¹ Высокое должностное лицо при короле, герцоге, под началом которого находились армия и суд.

Утишить боль сердечных ран,
Всему притворно потакала, —
Но это был сплошной обман.

Позже кто-то мне сообщил, что помимо поэтических талантов господин Вийон не обделен еще и многими другими, среди коих числились пьянство, распутство, богохульство, сквернословие. А в Париже он подозревался не только в воровстве, но и в убийстве. После беседы с ним у меня не осталось никаких сомнений, что его приглашением на наш праздник мы обязаны его милости графу де Рабюсси.

Однако, любезные слушатели, в горле моем пересохло. Элино́р, не сочти за труд налить мне глоток гипокраса... – Графиня приняла бокал и, сделав несколько глотков, поморщилась.

– Что-то не так, бабушка? – спросила внучка.

– Увы, он уже порядочно остыл. И коль зашла речь об этом напитке, я скажу вам, что прежде гипокрас был намного вкуснее, не то что готовят ныне. Он обладал поистине целебными свойствами, недаром имя свое получил от древнего лекаря Гиппократ¹². Тогда его приготавливал для стола главный повар замка, славный мэтр Мартен. В чем был его секрет, не знаю. Хотя сказывали, что потом он, подобно кулинару Тайевану¹², собрал воедино все секреты и составил книгу рецептов. Впрочем, как ни искусен повар, но хорошей хозяйке накануне торжеств не стоит полагаться на одних лишь слуг. Ей надлежит самой наведываться на кухню и проверять, все ли идет как положено. Так уж у нас повелось. Тогда с легкой руки мэтра Мартена, а возможно, с тяжелой руки моего мужа, частенько угощавшего повара и поварят тумак¹³ами, вошли в обиход нежные суфле, гратены, фрикасе и прочие изысканные кушанья. Причину вы знаете. Вследствие недостатка зубов у самого хозяина и у прочих благородных мужей и жен на трапезах более не подавали грубое мясо медведя, оленя, кабана на вертелах и заменяли его кушаньями тонкого вкуса, а также птицей: фазанами, куропатками, каплунами, перепелами, утками.

В тот момент, когда я пришла на кухню, там всю кипела работа.

«Держи на огне, пока не прочтешь до конца молитву Богородице», – строго научал повар своих помощников, варивших медовый сироп для фруктов.

Сам же он стоял у броштурнюра¹³, наблюдая, как на трех вертелах одновременно жарятся тетерева, перепелки и куры. Сей механизм тогда был внове, и мэтр Мартен не доверял его никому.

«От непрожаренного мяса на кладбище новых холмиков масса», – с улыбкой произнес он, увидев меня, и поклонился.

Прочие его помощники, сидевшие на лавках у большого очага, чистили овощи, толкли в ступках орехи, имбирь, измельчали травы, ошипывали птицу, отмеряли мед. Всего на праздничный стол мэтр Мартен намеревался подать шестнадцать блюд, из коих семь следовало приготовить загодя.

Однако я немного увлеклась. Мое повествование имеет другой предмет. – Пожилая дама с улыбкой посмотрела на Жакино и его соседа, тот был несколькими годами старше и доводился графине внучатым племянником.

По правде говоря, я вовсе не собиралась вести рассказ о кухонных премудростях, до которых, не будь они нанизаны на вертел, благородным мужьям нет никакого дела. Юным девам, стоящим на пороге замужества, напротив, следовало бы послушать да поучиться. Иной раз славно приготовленное и вовремя поданное кушанье ценится дороже шелка и парчи. – На сей раз почтенная дама обратила взор на внучку и, поправив меховую накидку, продолжила:

¹² Знаменитый повар, живший в Средние века, создавший одну из первых кулинарных книг.

¹³ Механизм, приводящий в движение два и более вертелов.

– Подумай, Элинор. Ведь любая крестьянка, будь у нее под рукой жирный каплун и полкувшина красного вина, в два счета поднимет мужу настроение, приготовив ему *соq au vin*...¹⁴

¹⁴ Петух в красном вине.

7. Ставки сделаны!

Франция, Париж. Пять лет назад

– Я и представить себе не могла, что сумею приготовить *coq au vin*, а это оказалось довольно простое блюдо, старое, деревенское. Филипп же сам очень здорово готовит. Словом, я у него учусь. – Ольга радостно делилась с тетей впечатлениями из ее новой парижской жизни.

– Ну, это всегда пригодится, – сдержанно говорила в трубку Нина Семеновна.

Вообще после переезда во Францию Ольге многому пришлось учиться. Учиться и переучиваться, привыкать к новому и отвыкать от прежнего. И напрасно говорят, что Россия почти Европа, что культурная многоликость постепенно стирается. Нет, время всеобщей уравниловки, слава богу, еще не наступило. Оно существует лишь в мутном сознании глобалистов, которым, вероятно, никогда не приходилось бланшировать в сливочном масле гребешки Сен-Жак, томить в желтом вине бресскую курицу со сморчками или печь слоеный пирог со спаржей. Не имея при этом даже мало-мальского кулинарного опыта, потому что в прежней, холодной, жизни следящая за фигурой Ольга относилась к еде довольно равнодушно.

Но, как бы то ни было, учиться готовить ей нравилось. Как, впрочем, и одеваться. Да-да, одеваться. Ибо представления о хорошо одетой женщине в России и во Франции совершенно разные. Парижское «изящно-дорого-сдержанно-по фигуре» отличается от российского или даже московского «ярко-броско-модно-дорого». Увы, феномен дефицита, столь укоренившийся в сознании советских и постсоветских модниц, изжить непросто.

Ольге часто вспоминался забавный эпизод, как однажды, встретив жену в аэропорту, Филипп прямо оттуда потащил ее в магазин – он не мог смотреть на Ольгину норковую шубу, к слову сказать, довольно дорогую и стильную. Просто в Париже шубу не принято носить каждый день, ее надевают лишь по случаю. Так в ее гардеробе появилось серое кашемировое пальто, на тон темнее ее пепельных волос, оно выгодно оттеняло ее славянскую масть.

И все же на общем фоне приятных впечатлений и положительных эмоций, которые так необходимы каждой беременной женщине, было нечто, о чем Ольга непрестанно думала, из-за чего нервничала и не спала ночами.

Ей не давала покоя Нина, которая ни в какую, хоть ты тресни, не хотела ехать к племяннице во Францию. Всякий раз, как только Ольга заводила об этом разговор, тетка упрямо твердила одно и то же: «Я буду вам мешать» и «Как мне с ним говорить, если он по-нашему не понимает, а я по-французски». Вслед за этим обычно шла расплывчатая, компромиссная формулировка: «Ладно, может быть, как-нибудь потом...» И никакие Ольгины доводы, что квартира у них большая, место есть, а если Нине неудобно жить у них, то можно снять гостиницу неподалеку, не помогали. Та была непреклонна:

– Я вам только мешать буду.

Ольга чувствовала, что тетя по-прежнему недолюбливает Филиппа, и обижалась. Они как-то раз даже из-за этого поссорились.

Что ж, приходилось Ольге ездить в Москву самой. Последний раз она навещала тетку, уже будучи на седьмом месяце.

Когда родился малыш, стало не до поездок. А поскольку скайп, чудо прогресса, Нина в силу возраста освоить не могла, общение их проходило по телефону. Сначала оно было довольно регулярным, потом Ольга стала звонить все реже и реже. Нина ее не упрекала, понимая, что у матери с малышом забот полон рот. Но в какой-то момент ей показалось, что голос у племянницы как будто изменился: «Недовольная девка стала, нервная, дерганая и, похоже, чего-то недоговаривает...»

Как-то по весне, когда от племянницы долго не было известий, Нина Семеновна загрустила и позвонила ей сама. Но в ответ на ее обычное «как дела?» Ольга жалобно засопела и,

пробормотав что-то невнятное, разрыдалась прямо в трубку, да так горько, с причитаниями, все никак остановиться не могла.

– Олечка! Что случилось? Что-то с Дениской? – прокричала в телефон до смерти перепуганная Нина.

– Нет, не с ним, а с Филиппом. Ой-ой-ой, что же делать, – сквозь слезы отвечала ей племянница. – Он, оказывается...

– Боже мой! Олечка! Объясни, в чем дело! Он что, выпивает? Алкоголик? Дерется? У него появилась баба? – последовала нескончаемая вереница теткиных вопросов. – С них, с французов, станется. Я так и знала, я же говорила...

– Нет, Нина, нет! Все не то, не так... – Ольгин голос срывался, горло перехватил спазм, слезы душили и мешали ей говорить, – понимаешь, он, оказывается...

– Голубой? – сорвалось у Нины с языка, она сама тотчас ужаснулась тому, что сказала.

– Нет, Ниночка, нет! – плакала Ольга.

«Как объяснить, как рассказать? И поймет ли ее Нина? Нет, конечно! Она и сама не поняла бы, если бы кто-то еще несколько месяцев назад рассказал ей что-то подобное».

– Ах, Нина! Это какой-то кошмар! Безумие! Господи, что мне делать! – Мысли в голове у Ольги путались, все смешалось: горечь, обида, осознание собственного бессилия, неизвестность...

«Как теперь жить? Что будет с Денисом, с ней?» – Ольга долго терпела, не хотела беспокоить Нину, но сейчас не выдержала. Невозможно держать все в себе, копить, переживать, мучиться и думать, думать, думать. Ей просто необходимо было с кем-то поделиться. Но как объяснить пожилому человеку, что такое лудомания? Что, оказывается, есть такая болезнь – патологическая зависимость от азартных игр. Когда для больного желание играть доминирует над всем, что есть в жизни: над семьей, детьми, работой. И это вовсе не каприз, не прихоть, не блажь, не какая-то причуда. А самая настоящая болезнь сродни наркомании или алкоголизму. Кстати, никакого алкоголя больным лудоманией не требуется. И без него адреналин в крови зашкаливает, стоит зайти в казино и сесть за игорный стол. А еще пульс становится, как у спортсмена на финише, и сердцебиение, как у влюбленного перед свиданием, и вообще весь эмоционально-чувственный набор, связанный с любовью и сексом: нетерпение, ожидание, предвкушение, восторг, эйфория...

Да, это трудно объяснить, пока сам не увидишь и не переживешь.

Все началось после того, как Филипп потерял работу и у него появилась масса свободного времени. С Денисом, которому на тот момент едва исполнился месяц, Ольга справлялась сама. Тяжело, конечно, но все же лучше самой, чем просить Филиппа. Она довольно быстро поняла, что нанять сына муж не будет. Он просто не такой... другой человек, и не потому, что их не любит. Ольга смирилась, а Филипп пусть лучше ищет новую работу, которую, как выяснилось, найти очень трудно, особенно когда тебе за пятьдесят. Одним словом, работы у него все не было и не было. Но появились долги и бездна свободного времени.

Необходимо-достаточные условия, как потом объяснил ей врач, для того, чтобы вновь начать игру. Именно «вновь», потому что в казино Филипп был далеко-о-о не новичок.

Он играл с самой юности. Потом его лечили, и довольно успешно – несколько лет он не садился за стол. Но в какой-то момент сорвался. Мать нашла ему хорошего врача, пожалуй, лучшего в своей области, оплатила лечение, долги. Филиппу удалось выкарабкаться. Казалось, он вернулся к нормальной жизни, но опять ненадолго. История повторилась. От Филиппа ушла жена, родственники, друзья, коллеги по работе, у которых он просил в долг, перестали отвечать на его звонки. Только Аньес, его мама, была по-прежнему с ним и продолжала бороться. Чтобы погасить долги, она продала парижскую квартиру, чтобы оплатить докторов, пришлось расстаться с домом на побережье. В какой-то момент забрезжила надежда – удалось сделать

невозможное, но, увы... Как сказал доктор Фуке: «Необратимое изменение личности, организм привык к адреналиновым атакам».

* * *

Вы когда-нибудь видели в казино часы? Правильно, их там не бывает, а еще нет окон, либо они плотно занавешены, чтобы дневной свет не проникал в зал. Ощущение времени теряется. Счастливые часов не наблюдают. Давно и четко отработанная система. Помните, у Достоевского... Ничто не должно отрывать от игры... Приглушенные звуки, негромкие голоса. Гости фланируют по залу, кто-то в напряжении застыл у стола – стоя лучше видно.

– Les jeux sont faites, rien ne va plus...

– ...rouge, noire, paire, impaire¹⁵...

Вот двое, пришедшие вместе, тихо переговариваются:

– Сегодня, пожалуй, буду играть по мелкой.

– А я, знаешь, накануне сон видел...

Садится и, не раздумывая, обкладывает «22» с соседями – играет комплит.

Схватка началась. Это что-то вроде дуэли, в которой не бывает примирения сторон. Казино для игрока одушевленный предмет, живой организм.

«22» выигрывают три раза подряд. Тотчас появляется официант с напитками. Пожилой крупье подает кому-то незаметный знак, ему на смену приходит новый. Таково правило – после крупного выигрыша крупье меняются.

Непостижимо, они всегда точно знают, сколько у кого в кармане денег. И кто сказал такую глупость, что в казино не играют в долг. Еще как! Смотрят по игре.

Некоторые завсегдатаи говорят о системе, для них рулетка – вещь не случайная. Хотя последовательность чисел не укладывается ни в какую математическую прогрессию. На зеленом поле реальна лишь одна аксиома – сумма всех чисел составляет 666.

* * *

Обо всем этом Ольга узнала слишком поздно, когда это «поздно» уже вовсю маршировало по ее и Денискиной жизни. Из дома стали пропадать вещи. Сначала часы, потом старинные сапфировые запонки, которыми муж очень гордился. Вслед за ними исчезла Ольгина брошь, подарок свекрови. Видимо, долги составили приличную сумму. Но в отличие от окружающих Филиппа они не тяготили. Он снова занимал. Казалось бы, у человека завидная выдержка, а на деле... Ольга никак не могла подобрать нужное слово: беспомощность, безответственность, инфантилизм... нет, скорее безмятежность.

Филипп всегда уповал на то, что в один прекрасный день его «система» сработает, он выиграет и со всеми расплатится. Ольга пыталась образумить его, убеждала, кричала, плакала, консультировалась с врачами, но результата не было. Муж все реже бывал дома, иногда пропадал на несколько дней. Однажды она случайно увидела его на улице. Он был не один, а в компании какого-то омерзительного типа, от него за версту несло уголовщиной. Филипп не заметил ее – оба страшно куда-то торопились. Вскоре, ссылаясь на временные трудности, он перестал давать Ольге деньги. Впрочем, на черный день у нее имелись кое-какие свои сбережения, так сказать, НЗ. За московскую квартиру, сданную в аренду, тетя Нина ежемесячно переводила ей тысячу долларов, и большую часть этих денег Ольга держала дома.

¹⁵ Ставки сделаны, ставок больше нет... красное, черное, парное, непарное... (фр.)

«Что ж, на какое-то время их должно хватить», – наивно рассуждала она, пока не исчез и ее НЗ!

Из почтового ящика тем временем продолжали тоннами сыпаться неоплаченные счета, банк заблокировал кредитку, и даже консьержка, обычно улыбчивая, приветливая, теперь едва здоровалась с Ольгой, провожая ее укоризненным взглядом.

И вот в один прекрасный день, когда у Денни кончились абсолютно все подгузники, Филипп исчез из дома, не отвечал на звонки, а в кошельке у Ольги осталось двести евро, она не выдержала и позвонила свекрови...

Несмотря на то, что плохо знала Аньес и немного робела в ее присутствии.

8. Праздничная трапеза

Франция, Бургундия, графство Помар, 1499 г.

В комнату бесшумно вошел слуга и подбросил в камин поленьев. Элинор замолчала и долго глядела на огонь.

– Бабушка! – окликнула ее внучка.

– Да, душенька, прости, я задумалась. Скажи, где ж твое рукоделие? Я вижу, ты его отложила, хотя уверяла меня, что закончишь работу к Пасхе. Неужто ты забыла, кому хотела подарить эту вышивку?

– Нет, миледи, не забыла... – Румянец залил щеки девушки. Присутствующие рядом тотчас оживились и захихикали.

– Вот и славно. Тогда продолжим. Итак, первый Адвент начался по обыкновению с торжественной мессы. Когда же та подошла к концу, процессия наша, к слову сказать, преизрядная, считая прибывших в Помар гостей, покинула церковный двор и вернулась к замку. Близ него, на поле перед Лебяжьим ручьем, его милость предложил сеньорам состязание в меткости стрельбы из кулевринов¹⁶. Подскажи-ка, Жакино, как их называют теперь?

– Аркебуза, миледи, а также говорят еще серпантин¹⁷.

– Благодарю, дитя. И как вы сами можете судить, аркебуза эта отняла у нас довольно времени, так что иные благородные дамы, замерзнув, стучали зубами, другие же с трудом подавляли зевоту. Начавшийся дождь, по счастью, прервал состязание, и все поспешили в дом.

Надо сказать, что праздник в тот день, к великому удовольствию его милости, удался. Перед тем как все расселись за столами, граф на большом еловом венке зажег первую свечу Адвента. И собравшиеся воздали должное кушаньям, напиткам, а также представлению аллегорий и игре на музыкальных инструментах. Отведав яств, присутствующие начали славить хозяина, превознося его до небес. Затем настал черед господина Вийона с его балладами. Он, вопреки моим опасениям, в действительности оказался весьма хорошим поэтом.

Супруг же мой, прежде не расположенный к высокому искусству поэзии и неспособный оценить ни точной рифмы, ни стройного размера, радовался более сквернословию и богохульству, чего в стихах господина Вийона, увы, было в избытке.

Наконец, вдоволь нахохотавшись, граф подал знак музыкантам, те заиграли па де бас, и гостей пригласили к танцу. Помнится, мне пришлось встать в паре с младшим братом моего супруга Анри де Рабюсси. Сам же граф вынужден был отказаться от танцев. Виной тому послужил его новый туалет. Прежде я, кажется, уже говорила о пристрастии сиятельного графа во всем следовать моде бургундского двора. Что ж, в тот раз он, вероятно, понял, что перестарался. И если бы на ногах у его милости были пулены¹⁸ с носками чуть покорооче, а упленд¹⁹ не свисал почти до пят, как носили бароны в Дижоне, то он не лишил бы себя удовольствия принять участие в танцах.

– А какое платье было на вас, бабушка?

– О, признаться, я уже забыла, какой туалет составила себе для того праздника. Но, как бы то ни было, оголять грудь подобно Агнессе Сорель я не стала. Вы, вероятно, слышали, что некогда при дворе его величества Карла VII в Париже жила красавица фаворитка, выставлившая свои формы всем напоказ. Не по нраву мне пришлось и многосложные туалеты дижонских фрейлин, с высокими, точно сахарные головы, энненами. Я всегда стремилась, чтоб костюм

¹⁶ Прототип ружья.

¹⁷ Более поздний прототип ружья.

¹⁸ Мужская обувь.

¹⁹ Парадная мужская одежда, часто отороченная мехом.

мой сочетал и подобающую случаю парадность, и разумную скромность, и удобство, что, как водится, вызывало недовольство моего супруга.

Прости, Жакино, я опять увлеклась, забыв о главном предмете моего рассказа.

Итак, праздничная трапеза уже близилась к концу. В условный час согласно ритуалу я поднялась и подала знак другим дамам с тем, чтоб покинуть собрание. Наши мужчины в соответствии с тем же правилом почтили нас вставанием и продолжили застолье. Ох, этот притворный помарский этикет. Сколько в нем фальши, лицемерия, и как отличался он от того, к чему я привыкла в замке Фуар, в родительском доме.

Не знаю, догадались ли наши благородные гости, что означает сие продолжение застолья. Мне же было все известно доподлинно. Лишь одно оставалось для меня загадкой: кто вместо убитого Гальгано возьмется доставить в замок для графа и его баронов этих... скверных женщин.

Однако в тот раз все пошло не как обычно. Мы еще не успели покинуть парадную залу, как мажордом объявил о приезде гонца из Дижона, и в распахнутые двери вбежал запыхавшийся человек, с ног до головы покрытый дорожной грязью. Он с поклоном передал письмо графу, при этом едва удержался на ногах от усталости. Пробежав глазами текст послания, граф нахмурился и отдал его брату. Тот в свою очередь тоже нахмурился и стал что-то шептать на ухо соседу. Мужское общество пришло в движение.

«Ваша милость, – уже стоя в дверях, спросила я, – быть может, нам следует задержаться, если в этом послании содержатся новости, предназначенные для наших ушей?»

«Для ваших ушей, мадам, лучше подойдут жемчужные серьги, а не депеши», – с надменной усмешкой ответил мне супруг, не упустив возможности посмеяться надо мной, тем более при большом скоплении людей.

Но кузен Анри, так по-родственному называла его я, поспешил сгладить его глупую шутку, не в пример родному брату он был лучше воспитан.

«Полученная новость весьма печальна и, без сомнения, к вашей светлости также имеет касательство. Наш сюзерен и благодетель, герцог Филипп Бургундский, тяжело заболел...»

– Бабушка, скажите, в тот ли раз в Дижон пришла английская потливая горячка? – спросила внучка.

– Нет, дитя. То случилось много позже, когда бургундский трон занял его сын, Карл Смелый, последний герцог Бургундии.

– А что за болезнь сразила тогда доброго герцога Филиппа?

– Имя ей старость, ибо Господь уготовил ему очень долгую жизнь. Только на троне он провел более сорока пяти лет, укрепляя власть и преумножая свои владения. Что же касается доброты герцога, то я, Элинор, пожалуй, с тобой не соглашусь... Будь он и в самом деле добрым, как его называли, то не отдал бы на поругание англичанам блаженной памяти Жанну Орлеанскую²⁰. Впрочем, Бургундия заплатила за то сполна, и не будем более об этом.

– Да, матушка говорила нам, что в наказание за то предательство на бургундские земли была ниспослана чума.

– Может, и так. Однако я продолжу.

«Что ж, плохие вести не стоят на месте, – перед тем как покинуть залу, заметила я. – Будем уповать на Божью милость и на скорейшее выздоровление нашего сеньора».

Расставшись с гостями, которые стараниями мажордома Боншана были размещены подобающим образом, я поднялась в свои покои. Признаться, после праздника я чувствовала себя уставшей и нуждалась в отдыхе. А там меня ждала верная Татуш, которая обо всем уже позаботилась – и о воде для умывания, и о теплой постели, и о глотке горячего меда на сон грядущий... Ах, как давно ее нет со мной! Моей доброй, славной Татуш. Мир праху, царствие

²⁰ В мае 1430 г. Жанна д'Арк была взята в плен бургундцами и передана на суд англичан.

небесное ей и светлая память, – окинув взглядом притихших слушателей, пожилая дама улыбнулась.

Однако отдыха в ту страшную ночь мы с ней так и не получили – убийство оруженосца Гальгано стало лишь первым звеном в роковой цепи... – Заметив опустевшую фруктовницу, старая дама прервалась и позвонила в колокольчик.

В дверях возник слуга.

– Пусть нам подадут еще орехов, груш и засахаренных фруктов. Впрочем, вы, должно быть, проголодались? Не так ли, друзья? Тогда неси еще хлеба, сыра и сладкого вина из моих запасов.

Слушатели заметно оживились – сладкое вино подавали лишь по большим праздникам.

Когда слуга вернулся с подносом и расставил на столе угощение, старая Элинор взяла бокал и вдохнула аромат вина. Оно всколыхнуло воспоминания, и лицо ее, сразу помолодевшее, озарила светлая улыбка – меньше всего в этот момент она походила на старуху.

9. Аньес

Франция, г. Помар. Пять лет назад

И ни при каких обстоятельствах язык не повернулся бы назвать Аньес старухой, хотя Ольгина свекровь была дамой пожилой, даже очень пожилой.

Худошавая, для обычной мелкотравчатой француженки довольно высокая, с идеальной осанкой. Наблюдая за тем, как она движется, как сидит, Ольга вспоминала советских балерин. Ее всегда поражала эта удивительная способность Аньес держать спину прямо – никакой возрастной сутулости, которую не скроет даже безупречно подобранный туалет. Узкая юбка, мягкий вязаный кардиган, нитка жемчуга, блузка с высоким воротом или шелковое кашне под цвет глаз. А глаза голубые, ничуть не поблекшие, внимательные, цепкие, с паутинкой морщин вокруг них, они будто бы не возраст подчеркивают, а статус. Ну и, конечно, роскошные, слегка выющиеся седые волосы, постриженные по моде. Редкий тип лица, который не портит старость. Вот она, порода, голубая кровь. Никакие революции и коммуны ее не забывают. Филипп был очень похож на мать, а Денис – на Филиппа.

Впервые Ольга увидела Аньес, когда родился Денис. На ее вопрос, почему не раньше, Филипп уклончиво отвечал, что у него с *татам* «непростые отношения». Другим родственникам из ныне живущих Ольгу, кстати, тоже не представили, ограничились могилами на кладбище Пер-Лашез. Итак, свекровь приехала в Париж посмотреть на единственного внука. Накануне Ольга немного дрейфила. Редкая невестка не робеет перед встречей со свекровью. И когда Аньес как олицетворение всей аристократической Франции переступила порог их жилища, Ольга совсем растерялась. Но стоило свекрови произнести слова приветствия и улыбнуться, как тотчас какое-то внутреннее женское чутье подсказало Ольге, что Аньес ей не враг. Чувство это окрепло, когда она увидела ее, склоненную над кроватью, где, безмятежно посасывая палец, спал Денис. На французский манер Денни, имя, данное внуку, свекровь, как ни странно, одобрила. Оказалось, он был не первым среди Помаров, кто носил имя небесного покровителя французских монархов.

– *Comme il est beau. Comme il ressemble ‘a...*²¹ – Ольга так и не услышала, на кого похож Денис, – Аньес говорила довольно тихо, но в голосе ее звучали и гордость, и радость, и еще какое-то умиротворение. Будто бы она хотела сказать: «Вот мой наследник, теперь я могу спокойно умереть».

Несмотря на Ольгины протесты – у них дома имелась весьма комфортная комната для гостей, – свекровь остановилась в гостинице (Ольге это сразу показалось странным, но выяснять почему было неловко). Однако каждый день из той недели, что Аньес провела в Париже, она приходила к ним и по несколько часов общалась с внуком. Появлялась она ровно в два – первую половину дня графиня посвящала друзьям, родственникам, с которыми давно не виделась, в соответствии с традицией.

«Светские новости за чашкой кофе, сигарета где-нибудь на аллеях Тюильри, поцелуйные обряды под марципановое печенье или *Coup de champagne* с тарталеткой». – Филипп не без иронии рассказывал о привычках матери.

Ольгу поражала невероятная пунктуальность свекрови – она ни разу не опоздала к заранее определенным двум часам дня. По ней можно было засекать время.

А однажды Аньес даже осталась с внуком одна и отпустила счастливых родителей в ресторан. Для Ольги это был настоящий подарок, потому что Филипп ее никогда не подменял. Аньес вообще любила делать подарки. Таких Ольга не получала ни от родителей, ни от мужа.

²¹ Какой он красивый, как он похож на...

– К твоим пепельным волосам очень подойдут эти мушки, – с улыбкой сказала свекровь в день их знакомства и протянула атласный мешочек, из которого буквально выпорхнули две изящные золотые сережки в виде мушек с бриллиантовыми глазками.

Потом Ольге вручили золотую брошь с изумрудным кабошоном и нитку жемчуга, а затем кольцо с геммой Марии-Антуанетты. Наследник тоже, разумеется, не был обойден вниманием бабушки. Щедрые подарки преподносились мимоходом, небрежно, даже подчеркнуто небрежно. Всем своим видом свекровь, казалось, давала понять, что не ждет от Ольги ничего, кроме простого «спасибо», и эти дары ни к чему ее не обязывают. Ей не нужны ни особые знаки внимания, ни проявление родственных чувств. Не призывала она Ольгу и к откровенности, мол, «давай сядем, и ты расскажешь мне все о себе с самого начала». Не было даже намека на традиционное свекровино «не понимаю, что все-таки он в тебе нашел», о чем Ольга нередко слышала от подруг. Аньес довольствовалась тем, что рассказывала о себе сама Ольга, и не задавала лишних вопросов. Возможно, ей очень хотелось расспросить невестку поподробнее, но проявление любопытства, впрочем, как и других мешанских чувств, для графини Помар де Рабюсси было табуировано. Ее подлинные эмоции и желания прятались глубоко внутри. Правила хорошего тона требовали сдержанности, спокойствия, уравновешенности. Так Аньес была воспитана. Так воспитала она и Филиппа. Кто бы послушал эти разговоры матери с сыном! Яркая иллюстрация известной фразы, что язык существует, чтобы скрывать свои мысли. Их и в самом деле связывали «непростые» отношения, но это Ольга скорее интуитивно почувствовала, потому что внешне все выглядело вполне по-светски, благопристойно. Да и она сама неосознанно подчинилась установленным в семье правилам, научилась не касаться нежелательных тем, не задавать неудобных вопросов.

Лишь перед самым отъездом Ольге на мгновение показалось, что свекровь, переступив через себя, пытается заговорить с ней о чем-то важном и «недозволенном», но понизить планку допустимой откровенности все же не решилась.

10. Охотничий дом

Франция, г. Помар, пять лет назад

Говорят, зеленый цвет полезен для глаз – он успокаивает. И Ольга готова была с этим согласиться, когда, проехав 200 с лишним километров, свернула с платной автострады на живописную местную дорогу, петляющую по зеленым просторам Бургундии. После кишашего туристами Парижа безлюдный провинциальный пейзаж умиротворял.

Обрамленные перелесками изумрудные поля, старательно возделанные и ухоженные, сменялись живописными холмами с тучными стадами коров. Никогда прежде Ольга не видела такого количества коров, телят и бычков. Чистые, аккуратные, будто их не только умыли, но и причесали, они вальяжно паслись среди бургундского многотравья, очень довольные жизнью. За холмами поднимались леса, то благородно-лиственные – дубравы, орешники, березняки, то хвойные. Но вот лесное царство кончилось, и вдоль дороги замелькали симпатичные каменные домики с островерхими черепичными крышами. Меж домов прихотливо петляла речушка, лучась и переливаясь под солнцем. Когда же, сбросив скорость, Ольга увидела уток, плавающих в заводи с выводком утят, а на излете деревушки – мельницу, крылья которой медленно описывали круг, она подумала, что попала в сказку – так все это напоминало иллюстрацию из детской книжки.

Раньше Ольге не доводилось бывать в Бургундии. Маршрут их совместных с Филиппом поездок (понятно, что намеренно!) всегда обходил стороной его родные края. Теперь же, сидя за рулем автомобиля и приоткрыв окно, Ольга смотрела, дышала, наслаждалась этой мирной, первозданной сельской красотой. Она немного успокоилась, пришла в себя.

– Все наладится. Все как-нибудь устроится. Иначе просто быть не может, – повторяла она, словно на сеансе аутотренинга, – я что-нибудь обязательно придумаю...

И маленький Денис, почти все время пути спокойно спавший в своем стульчике на заднем сиденье, похоже, был с ней солидарен.

Ольга сверилась с картой и, заметив наконец на дорожных указателях нужные ей «Бон» и «Помар», нажала на газ.

То была Route des Grands Crus – дорога Великих Бургундских вин. Пейзаж за окном сменился. Теперь повсюду, насколько хватало глаз, и справа, и слева, то сбегая с горки, то взбираясь на вершину холма, тянулись бесконечные ряды виноградников.

«*Terroir situé à mi-coteau*. Идеальные земли для возделывания виноградной культуры. Здесь вы никогда не увидите вывеску «Продается», – вспомнились Ольге чьи-то слова.

Да, бургундские вина в рекламе не нуждаются – что верно, то верно. Между прочим, свой скромный вклад в развитие виноделия неизменно вносила и семья Помар де Рабюсси. Правда, по словам Аньес, от былых владений осталось всего два небольших виноградника, которые она сдавала в аренду. Но свекровь уверяла, что они по сей день дают хорошие урожаи, разумеется, смотря по году.

А еще она рассказывала про живописный садик, про оранжерею, про зеленую лужайку, особый предмет ее гордости, и про небольшой охотничий дом.

Давным-давно, когда графское семейство еще с комфортом помещалось в замке, в этом доме на окраине парка жил их егерь с семейством. Скромная двухэтажная постройка из серого камня с глицинией у входа, до сих пор носившая название «*Maison de chasse*»²², теперь служила пристанищем самой графине и ее воспитаннику, Шарлю Сорделе.

Еще в Париже от Филиппа Ольга услышала невероятную историю его появления в семье де Рабюсси, случившуюся вскоре после смерти старшего сына Аньес. Мальчик умер в двухлет-

²² Охотничий дом.

нем возрасте от воспаления легких – посылка с баснословно дорогим спасительным пенициллином опоздала. Горе матери всегда велико, здесь даже время бессильно. Лишь новый ребенок способен утишить боль. И он действительно появился летом 1944 года. Только не у самой Аньес, после пережитой трагедии она сильно хворала. Его родила молодая и здоровая фермерша, жившая по соседству. Во время войны у нее часто квартировали немецкие солдаты. Один из них, вероятно, и стал отцом ребенка, но он об этом никогда не узнал. С открытием Второго фронта немцы поспешно съехали. Происхождение мальчика могло бы вполне остаться тайной, но у любвеобильной фермерши имелся законный супруг. Четыре года он провоевал в Сопротивлении, и теперь со дня на день героя ждали дома.

– Ах, что же мне с ним делать! Муж или убьет меня, или выгонит вместе с немецким ублюдком, – в отчаянии поделилась с соседкой горем незадачливая мамаша. – Уж лучше отвезти его в аббатство В. да там и оставить!

Слухи (а как же без них, тем более в провинции), разумеется, дошли и до Аньес. По словам Филиппа, услышав о несчастном малыше, она, ни минуты не сомневаясь, села в автомобиль и отправилась к той самой фермерше. «Спросила ли она совета у *papa*? Не знаю, но рискну предположить, и это очень в ее стиле, что совет ей не потребовался».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.